

Надежда Васильева

С
ИРРАХИ
СОЛО

18+

Надежда Васильева

Страхи соло

«ЛитРес: Самиздат»

2004

Васильева Н.

Страхи соло / Н. Васильева — «ЛитРес: Самиздат», 2004

История матери-одиночки которая вынуждена совершать поступки, на которые непросто решиться.

– Ма, тебе эсэмэска! – крикнул сын из комнаты.

В квартире грохотала музыка. Зажигательное латино. Я это уважаю по утрам. Правда, в доме в такую рань кое-кто спит, но ему не мешает. Проверено.

– Прочитай, солнышко! – я суежилась на кухне, как раз разливала кофе. И вообще, водружать на нос очки ни свет – ни заря не хотелось.

Богдан вошел в кухню, озадаченно пялясь на дисплей моего мобильного:

– «Вы снились мне всю ночь. Я болен вами»... По-моему, так... это слово – что-то вроде о головной боли? Подписал... Непонятно. И что с этим делать? Удалить, сохранить, послать другу?

Я выхватила у него трубку, с недоумением уставилась на текст сообщения.

– Да, мама, ты даешь!

– Ничего подобного!

У мальчика и в мыслях не было вкладывать в свои слова какую-то двусмысленную вольность. Зато я горазда на такие штучки. И боюсь, он это понял, потому что метнул в меня укоризненный взгляд, чего, впрочем, тут же устыдился. Некоторые из моих друзей считают, что он относится ко мне излишне трепетно. В его больших бархатно-карих глазах снова воцарилась чистая, как родник в заповеднике, безмятежность.

У меня прекрасный сын, во всех отношениях. Если честно, просто лопаюсь от гордости за него. Многие считают, что я перебарщиваю в этом плане, и мне не хватает объективности. Все потому что Богдан отнюдь не проявляет рвения в учебе, и вообще довольно ленив. Компьютерные игры – единственное дело, для которого ему не жаль ни времени, ни сил. Барчонок, одним словом. Ну что ж, меня это тоже начинает раздражать, хотя во всем целиком моя заслуга. И потом, ему всего тринадцать. Зато есть качества, которые никто и никогда не сможет наверстать, как знания по математике. Честность, ум и доброта, к примеру, а также способность любить и сопереживать, брать на себя удар, чтобы вывести из под него тех, кто дорог... Впрочем, о чудесных добродетелях сына я могу распространяться бесконечно. Угадайте, почему я назвала его Богданом? А потому что восхищенно млела, когда он был еще в зародыше. И свято верила, что этого ребенка дал мне Бог, только Он.

– Дань, тебе нужно успеть погулять с Кларом, – напомнила я, чтобы стереть из памяти ребенка воспоминания о нелепой эсэмэске.

Кларенс – наша собака. Тоже пуп земли.

Живо откликнувшись на имя, в кухню величественно вплыл красивейший в мире, на мой взгляд, бобтейль. Красивейший, не считая, разумеется, его подруги – Флоренс. Это тоже наша собака, тоже бобтейль.

– А может быть, дед сподобится? – со слабой надеждой сын заглянул мне в глаза.

– Может – да, а может, и нет. У нас не чи-хуа-хуа, Богдан, ты ведь не хочешь, чтобы они устроили дома туалет.

– Я пойду с Фло, – несколько ворчливо смирился он.

– Ладно, – сразу согласилась я. И на том спасибо. Гулять сразу с обоими псами трудно. Клар – живчик, на прогулке он носится и прыгает как игривый щенок. А Флоренс – дама, выходит исключительно по делам. Ей и пяти минут хватает. А вот и она. Глаз из-за шерсти совсем не видно. На кухне сразу стало тесно. Я дала домашним любимцам по горячему бутерброду с колбасой и сыром.

– Кстати, ты их не причесывала вчера, – мстительно заметил Богдан, прицеливаясь к творожному кольцу, – Сегодня уж не забудь.

– Поторопись! – Наверное, это трудно считать ответом.

Конечно, я погуляла с Кларенсом, вымыла лапы обоим псам, приготовила волшебный супчик. Даже не представляю, что еще можно было туда положить. Аромат стоял – зашибись. Это подтверждал и тот факт, что неожиданно из своей комнаты выплыл папа. Он так рано обычно не встает – на часах всего-то начало одиннадцатого.

– Доброе утро, – рассеянно приветствовал он, потянувшись к сигаретам.

Проворно ныряю под его руку и, заискивающе улыбаясь, вкладываю в нее творожное кольцо:

– Сначала съешь что-нибудь.

Он поморщился, но почему-то спорить не стал.

– Тогда дай кофе что ли...

– Сию минуту! – Я просто обязана уложиться в одну минуту, потому что циферки на микроволновке, показывающие время, мелькали как звезды при переходе в гиперпространство. Когда-нибудь меня точно уволят за опоздания – злостные и неизменные, где бы я ни работала. Не знаю, почему до сих пор этого ни разу не случилось. Теперь уже поздно что-то менять в своей жизни. И все-таки, каждый раз, как только я появляюсь в офисе, кто-то да взглянет на часы, кто-то просто уставится со значением, и я предполагаю во всем этом сдержанное такое осуждение. Это меня нервирует.

Откатив по кухонной стойке кофе поближе к папе, героически дожевывавшему нежнейший эклер, я уже застегивала брюки.

– Телефон и очки, – напомнил он, мечтательно разглядывая снежинки за окном, – Ты на машине?

Мой мобильник нашелся в хлебнице. Быстро повесила его на шею:

– На метро. Нет времени.

Выскочив из подъезда, я все-таки не пожалела несколько драгоценных минут на суетливые колебания: может быть, все-таки взять машину? Там – печка. Но нет. Пометавшись между дорожкой к стоянке и спуском к дороге – автобусной остановке – метро, я, наконец, определилась и чуть ни бегом бросилась к метро.

Коллеги уже часа полтора как парились на своих рабочих местах, когда я вбежала в офис. Работаю здесь уже больше года, и меня все более-менее устраивает. Я – главред журнала «Большие перемены». Вообще-то должность моя довольно условная. Издает его крупная медиакомпания и т.д. и т.п. Не буду утомлять, разъясняя всю несуразную структуру нашего конвейера. Не это главное. Ребята в редакции зубастые, энергичные. Я их, правда, порядком распустила, но в разумных пределах. То есть, главное мое требование – чтобы все было по-моему. Без вариантов. Только и всего. И мне почему-то кажется, если что – на них можно положиться.

Все было бы неплохо, однако недавно произошло нечто, нарушившее устоявшийся порядок. За кордон свалил гендиректор нашей богадельни и неделю назад, ну да, в прошлый четверг, навестивший по этому случаю офис президент вызвал меня на ковер. Во всяком случае, я так думала, потому что в то утро, по обыкновению, заметно припозднилась.

Вопреки моим опасениям, Вячеслав Иванович Погодин смотрел доброжелательно, хотя и с каким-то непонятным сомнением. Точно трусливый пассажир, поднимающийся на борт ТУ-154 образца 1968 года. Он (Вячеслав Иванович, а не трусливый пассажир), если вам интересно, мужчина не слишком высокий, не худой, но и полным его не назовешь. Черноволосый – с легкой проседью, черноглазый, можно даже сказать – интересный, к тому же – верх элегантности. Словом, завидный мужик. Заговорил Погодин приятным голосом, почти ласково:

– Елена Сергеевна, я хотел бы обсудить с вами перспективы компании.

Это меня несколько ошарашило, но я держала лицо.

– Вы должны знать, я о вас самого высокого мнения. Вы – человек творческий, отлично ладите с людьми, – он сделал паузу, которая, должно быть, позволяла мне справиться со сму-

щением. – Да. Как ни странно, мы до сих пор не определились, кто займет появившуюся вакансию, у самого руля, я хочу сказать ... Я думал о вас.

До этого разговора мы виделись раза четыре, мне казалось тогда, что он вообще меня не заметил. Обычное дело: за длинным столом – куча народа, обсуждались дела, принимались судьбоносные решения, я тоже рапортовала о чем-то своем. Но оказывается, президент компании имеет обо мне «мнение», и оно – высокое. В общем, такой неожиданный поворот удивил меня и напугал до смерти. Я вполне достойная, почтенная женщина, действительно неплохой, полагаю, профессионал. Но если кому-то не очевидно, что превыше всего на свете я ценю личный комфорт, думаю о доме даже в самые горячие рабочие часы, начиная с воскресенья – мечтаю о вечере пятницы, и ни за что не пожертвую ради карьеры ни минутой сверх того, что позволяет прилично содержать дом-семью, то... как это объяснить? Кроме того, Богу одному известно, сколько изобретательности я вкладываю в маскировку своей необъятной, уютной, пушистой, мяукающей природной лени. Гендиректор! Даже в самом страшном кошмаре такое не привидится!

Я прилично улыбнулась. То есть не как обычно, а учтиво – как полагается в официальной ситуации:

– Не знаю, что и сказать, Вячеслав Иванович. Я благодарна, конечно. Но уверена, что это место не для меня.

– Полагаете? – он внимательно изучал меня сквозь тонкие стекла очень дорогих очков.

– Уверена, – мягко повторила я.

– И в чем причина такой уверенности?

– Буду откровенна. – Он кивнул, – Видите ли, я хоть ночевать могу на работе, когда цейтнот или идет крупный проект, но как норма меня такой режим не привлекает. Да и людьми я не очень руковожу, скорее, мы просто работаем вместе. Не знаю, получается ли у меня все внятно объяснить, но позвольте ограничиться благодарностью за ваше предложение и... все.

– Мне говорили, что вы – довольно своеобразный... сотрудник. – Он встал, обошел стол и уселся рядом со мной на один из стульев для посетителей, – Говорят, долго спите по утрам, но потом все успеваете, притом в лучшем виде. – Взгляд владельца компании заметно оживился. – Уходя, гендиректор особо упомянул это обстоятельство, и просил вас не терроризировать. Что касается руководства, то вы скорее организатор. А это, возможно, гораздо более ценно. Но..

Зря я, наверное, про «ночевать» приплела. Теперь он смотрел на меня с нескрываемым интересом.

– Но боюсь, что я вас понимаю. Не в том смысле боюсь, что считаю вашу позицию нежелательной, а потому что вряд ли сумею вас уговорить. Сам стараюсь не сводить всю жизнь к сугубо деловой деятельности. А у вас, конечно, муж, дети. – Последняя фраза не была вопросом, но смотрел он вопросительно, и я не удержалась:

– У меня один сын.

– А муж?

– Нет. – И сразу почувствовала себя неуютно. Каким образом мы съехали в эту степь? И гадать не надо – моя вина. Не в первый раз так получается – не могу держать паузу, а язык – за зубами. Вернее, могу, давно уже научилась, я ведь не дура. Просто в нужный момент забываю. Я заерзала и попыталась встать. Тут он тоже поднялся, но при этом завладел моей рукой, теперь его лицо освещала широкая улыбка:

– Ладно, думаю, придется смириться с вашим решением. Но насчет того, кому все-таки доверить «руль», нам стоит обсудить. Чтобы все уладилось к всеобщему удовольствию. И чтобы ваше влияние на дела не ограничивалось рамками одного журнала. Давайте встретимся сегодня после работы и побеседуем в спокойной обстановке?

Ну конечно, как же!

– Мне очень жаль, но никак не могу, Вячеслав Иванович.

Искры вдохновения удивленно померкли в его глазах, на лице появилась растерянность, и меня это разозлило. Я попыталась вложить в свою улыбку все значения, позволяющие мужчине с честью пережить фиаско, хотя не припомню, чтобы когда-нибудь это помогло:

– У меня на сегодня назначена встреча, которую нельзя отменить, – тупо произнесла я, пожав плечами. Никакого сожаления. Душить в корне.

– Ну что ж, – недоумение превалировало в выражении его лица, хотя черты уже начали застывать, – очень жаль, потому как время не терпит. – Он отпустил мою руку и отступил, все еще недоверчиво заглядывая в глаза.

Это было в четверг.

Конечно, имело смысл на следующей неделе хотя бы приходиться вовремя, демонстрировать служебное рвение. Но – нет. Да, вот еще. Позавчера мне позвонила секретарь президента и сообщила, что если у меня есть вопросы, то я могу зайти к нему до конца дня.

По-моему, это было совершенно нелепо. Я сказала, что у меня нет вопросов, и никуда не пошла. Некоторое время я все-таки размышляла над тем, что, возможно, у меня появились проблемы.

Нельзя сказать, что ситуация складывалась какая-то особенная. Равноправие и все такое – полная ерунда, даже если «он» – не шеф, а «она» – не подчиненная. И в этом случае найдутся лазейки, чтобы мужчина вышел победителем из конфликта полов. Такое сплошь и рядом случается. Тут я Америки не открываю. Хотя лично меня это всегда заставляло врасплох. А теперь особенно. Нет, поймите меня правильно. Я знаю, в наши дни женщина не имеет возраста. Всегда можно оставаться привлекательной, соблазнительной, возможно, с годами становишься опытным игроком, более интересным и все такое. Не смейтесь! Знаю, но сама чувствую себя по-другому. Совсем по-другому. Может, во мне что и не так, но подобные игры лично мне с некоторых пор кажутся неуместными. Хотя должны бы льстить, наверное.

Конечно, президент – тоже не мальчик. Любопытно, сколько ему? Как бы это выяснить, чисто из любопытства? Мужчина он, как я уже говорила, очень даже. Раньше, между прочим, был консулом в посольстве какой-то европейской страны, если не ошибаюсь, знает несколько языков. Я млею от такого расклада. В общем, если вспомнить мои юношеские мечты о мужчине, то Погодин – их живое воплощение. Нет, правда, сколько бы ему ни было лет, он – элегантен, как белый рояль. Безупречный стиль и все такое. Тетя Света, подруга моей покойной матери, которая постоянно беспокоится из-за отсутствия у меня личной жизни, снова скажет, что я веду себя неразумно: «Он женат? Это нужно уточнить непременно. Если женат – замечательно. Во-первых – не обременительно, во-вторых...» Надо ей позвонить, кстати.

– Доброе утро! – навстречу вынырнул Костя Горнштейн. Хороший парень – корреспондент из моего отдела.

– Привет! – и тут я вспомнила утреннюю эсэмэску. Надо взглянуть, кто ее отправил. А почему я подумала об этом сейчас? Обернулась. Костя стоял и смотрел на меня. Он улыбнулся, и я, не знаю зачем, кивнула.

Не успела сесть за свой стол, как ко мне подплыла наша администратор. Терпеть не могу такие должности и тех, кто их исполняет. Все время забываю, как ее зовут. Ольга?

– Здравствуйте, Елена Сергеевна, – довольно холодно отчеканила она, – Вячеслав Иванович спрашивал вас уже минут сорок назад.

– Правда? – Я старалась скрыть тревогу. Может, пора искать новую работу?

– Да. Он официально представил нового гендиректора руководителям редакций. Срочно зайдите к нему.

Я не удостоила ее ответом. Но встала и пошла по коридору в направлении кабинета высшего начальства. На душе скверно, это и дураку понятно. Утешало, что выгляжу сегодня совсем

не плохо. Не надо искать противоречий. Я никого не хочу соблазнять, но мне кажется, что внешняя привлекательность должна стимулировать доброжелательное отношение.

Секретарь президента попросила подождать, потом разрешила войти.

Я вошла и... Обомлела. Спятить можно!

В кабинете за столом заседаний сидели и пили кофе двое: Вячеслав Погодин и ... Вадим Терехов. Его-то каким ветром сюда занесло, черт побери?! Нет, правда, что он тут делает?! Я испытала жгучее желание развернуться на сто восемьдесят градусов и покинуть кабинет, здание, город и ...

Мужчины встали при моем появлении, и Погодин немедленно прояснил ситуацию:

– Вот, Елена Сергеевна Свиридова, о которой я вам говорил. Позвольте представить Вадима Петровича Терехова – нашего нового гендиректора. Отныне все бразды правления в его руках. Официальное представление уже состоялось раньше, но вас еще не было на работе.

Мне показалось, что Терехов усмехнулся. Президент тем временем продолжил:

– Все вопросы теперь к нему. А мне, пожалуй, пора. – Он пожал руку новому боссу, проходя мимо меня, притормозил, потом обернулся к Терехову, неожиданно обняв меня за плечи:

– Успехов вам! Во всяком случае, я на это рассчитываю.

Наверное, мне показалось, что в его глазах светилось торжество. Но почему? Неужели он специально ждал меня, чтобы прокрутить эту сценку? Впрочем, чего уж там. Мужчины могут быть на удивление мелочными и гадкими. И я кругом права, Погодин не тянул до идеала, несмотря на светские манеры, элегантный стиль, и несколько языков, на которых он мог пожелать доброго утра. Еще одно разочарование.

Позади хлопнула дверь, и мы остались наедине с новым гендиректором. Я заставила себя поднять глаза и встретила с насмешливым взглядом Терехова.

– Ну здравствуй. Тесен мир, да? – он сел и показал на стул рядом.

Уже сто лет как прекрасно владею лицом. Это особенно приятно в такие минуты. Учítывая, что я эмоциональна, щепетильна, уязвима, к тому же у меня куча комплексов, от которых за свою долгую жизнь не нашла времени избавиться.

Я обошла стол и села напротив, пытаюсь справиться с эмоциями. Терехов – последний человек, которого я хотела бы видеть своим боссом. Я вообще не хотела бы его знать. Коротко говоря – второй Погодин, вернее – первый. Блудливый, мелочный и подлый. Мы уже сталкивались с ним на профессиональном поприще, при том, черт возьми, дважды. Все начиналось хорошо: дружелюбие, любезности, курс на сближение, и как водится – приглашения. Потом, опять же как обычно: недоумение, отчуждение и ... И оба раза мне пришлось уйти с работы. То есть, дважды пришлось ретироваться. Правда, второй раз – спорный. Но уверена, без него не обошлось. Я прекрасно сотрудничала с тем агентством, пока не увидела Терехова с тамошним директором. В общем, плохи дела!

Чувствовать себя обреченной было унижительно.

– Расхожее заблуждение. Уверена, что смогу найти место под солнцем вне этой редакции. Словом, мне пора, – сказала я странным скрипучим голосом, намереваясь тут же уйти.

Он удивленно поднял брови:

– Что за глупости? Лучше просвети насчет твоей работы, в каком состоянии текучка, кто чем занят. А главное, какие есть идеи. Покреативней, если можно. Все непосредственные руководители должны, начиная с сегодняшнего вечера, дать мне полную картину.

– Прекрасно.

Не понимаю, почему я все еще здесь.

Кожей чувствую его испытывающий взгляд.

– Не думаю, что нам следует начинать с этого... – задумчиво произнес он, наконец, – Если бы ты попыталась быть объективной, то, скорее всего, поняла, что я никогда не желал тебе зла. Просто иногда мы расходимся в оценках работоспособности. И хватит об этом.

Я встала. Вообще не понимаю, почему я не ушла сразу, как только увидела этого придурка. Ну почему мне так «везет»? Надо подумать.

– И завтра с утра – ко мне, со всей информацией. Утром, Лена. В десять.

Закрывая за собой дверь, подумала, что, может, оно и к лучшему. В общем, надо сразу делать ноги. Я все решила. Завтра. В одиннадцать.

Не знаю, может быть и с другими так происходит. Просыпаешься поутру – утро как утро, бутерброды – как всегда, времени не хватает и тебя переполняет паника, что за день не успеешь и половину сделать, из того, что необходимо и хотелось бы. Например, лично подать сыну обед (впарить суп!), и посмотреть по телеку любимый мультсериал. И вдруг, на деле происходит вообще черт-знает-что. Ты словно выпадаешь в другое измерение, где все похоже на реальность, и в то же время не имеет с ней ничего общего. Потому что это не вписывается в твою жизнь, тебя на это просто не хватает.

Вот что-то в этом духе сейчас и происходило. Я не чувствовала себя прекрасной дамой, за розу из рук которой начинается рыцарский турнир. Бог мой, да если бы я встретила в жизни хоть одного рыцаря! Нет, я реально смотрю на вещи. Я чувствовала себя толстой костюмершей, которой вдруг велели заменить на сцене приболевшую балерину. И даже не так. Никто не собирался добиваться моего расположения. Я чувствовала по отношению к себе настороженность, неприязнь и ... Возможно, Терехов питал ко мне отвращение. А я этого не выношу. Люблю, когда все гладко и благополучно. Признаю, когда-то я обожала рискованные приключения и полжизни отдала бы за подобный расклад. Дабы подвигать фигурками. Но с тех пор много воды утекло.

Так или иначе, работа сегодня не ладится. Большею частью стараюсь привести в порядок файлы, архивы, планы и учет всего хозяйства. Я не сомневаюсь, что должна уйти. Противно, конечно. Кто-то скажет, что это трусливо и недостойно. Я могла бы выразиться и покруче, но ...

– Вы чем-то расстроены?

Даже не заметила, как Костя подошел и склонился к самому уху. Нет. Я не вздрогнула. Он – милый парень, и тут нечего дергаться. Поэтому, когда подняла голову и посмотрела ему в светлые глаза, на душе потеплело:

– Пустяки. Новое начальство у нас, Костя. Это как-то напрягает.

– Да ладно. Гены – это про бабки. Гена-то в наши дела вроде не вмешивался? – Прошлого гендиректора звали Геннадием Алексеевичем.

– Так он сто лет тут рулил, – возразила я, – А этот, сам понимаешь, только вылупился. Энтузиазм так и прет...

– Да пусть развлекается. Может, вам пауза будет кстати? Пойдемте, пообедаем – через дорогу?

– Нет, – я рассмеялась, снова вспомнив эсэмэску. Неужели это действительно Костя? И заметила, что он склонился еще ниже, почти касаясь моего уха то ли губами, то ли своей светлой, аккуратной бородкой. Я дернула головой, и увидела Терехова: стремительно войдя в нашу комнату с какой-то стопкой бумаг, он остановился у стола секретаря и сейчас бесцеремонно смотрел прямо на меня. То есть на нас.

Костя медленно выпрямился, но рука его по-прежнему опиралась о спинку моего стула. Прелестно. Ну да, неловко. Но тут Терехов снова негромко заговорил с секретарем, которая вытянулась перед ним, как новобранец. А потом ушел так же стремительно, как появился.

– Это он? – спросил Костя.

Я попыталась восстановить прерванное дыхание, маскируя свои усилия под энергичный кивок.

– Кажется, он вас действительно напрягает. Елена Сергеевна?

– Да, Костя? – я снова улыбнулась, потянула к себе сумочку, не без труда выловила сигареты и зажигалку.

– Так, значит, да? – просиял Костя.

Ах, да, он приглашал на обед. Забавно получилось.

– Нет, дорогой. – Когда я говорю «дорогой», это ничего не значит. Вернее, это значит, что я отношусь к человеку по-дружески, с открытой душой, как хороший торговец на восточном базаре. Полагаю, к коллегам можно относиться по-дружески. Хотя, если честно, за свой солидный трудовой стаж не раз убеждалась, что нет, не стоит. – Я не собираюсь обедать, если ты это имеешь в виду.

– Мы можем просто кофе выпить, – настаивал Костя.

Я встала, стараясь оказаться от него на приличном расстоянии, одновременно моделируя на лице выражение неприступной доброжелательности с оттенком материнской снисходительности:

– Иди, Костя, иди. Я чуть позже навещу нашу забегаловку. Иди, – я чуть подтолкнула его, и он понял, что аудиенция окончена. Очень ценю в людях – мужчинах – подобную смекалку. Не часто встречается, между прочим.

Не буду пока выяснять с ним происхождение утреннего послания на мобильный. Не к месту это, как мне кажется.

Весь день я ощущала себя мученицей. Не в своей тарелке. Как уж на сковородке. Ждала подвоха, вызова, дурацких указаний – как минимум. По жизни такое не было для меня нормой, и вообще, скорее всего, никогда ничего такого не происходило. Но говорю же, это была какая-то сдвинутая реальность. Что-то действительно напрягало, и мне было не по себе, и это еще мягко сказано. Однако оказалось, что я зря психовала. Терехов за весь день никак больше не напомнил о себе. Может быть, и в дальнейшем не собирался?

Тем не менее, я незаметно убрала со своего стола фотографию Богдана с собаками и спрятала в сумку.

Едва дождавшись, когда стрелки часов над дверью сойдутся на семи, рванула с места, как фаворит на скачках. Обычно я задерживаюсь, как бы компенсируя опоздания, но теперь это было ни к чему. Ведь все решено. И свежий ветер прерий уже дул мне в лицо.

Дома меня неизменно встречает всеобщее ликование. Основатель этой доброй традиции – Кларенс, любящий меня с трехнедельного возраста бескорыстно-безмерной собачьей любовью, страдающий в голос, когда я ухожу и безумствующий от счастья, когда возвращаюсь, пусть я только на минуту отлучалась – мусор выносила. Позднее к празднику в прихожей со всей своей нежной и деликатной душой присоединилась прелестная Флоренс. Богдан не оставался в стороне, по-моему, из-за искренней ревности. А папа наблюдал всю эту возню, потому что иначе он бы выпадал из нашего крепкого круга, что представлялось ему недопустимым. В общем, от порога и до вешалки мой путь занимал приличное время, требовал серьезных усилий, маневренности и, желательно, равномерной раздачи мелких презентов.

Эти два человека и две собаки составляют мой мир. Любовь, забота, гордость, вдохновение для меня – эти четверо. И последний придурок тот, кто не понимает, что этого не мало, это – целая вселенная, более того – мое тело. Хотя есть, конечно, и друзья, и приятели, но это уже сопредельный мир. Соседи.

Сегодня, почесывая облизывающих меня собак и целуя сына, я чувствовала себя виноватой. Завтра я останусь без работы. Папа начнет снимать со счетов свои накопления, а может быть, и пенсию. Да нет, конечно, все совсем не так страшно, просто ... Мне было паршиво.

После ужина, когда Богдан удалился, вернее, воссоединился со своим компьютером, а собаки улеглись у кухонной стойки, глядя на меня с восхищением и преданностью, папа неожиданно поставил на стол бутылочку дорогого коньяка. Достал наши любимые бокалы. Глаза из-под очков блеснули лукаво:

– Выкладывай.

– Тоже мне, Штирлиц.

– Кто тебя расстроил?

Я немного поломалась, для вида. Папа – моя жилетка. Я не миндальничаю с ним, откровенничаю на все сто. Может быть потому, что мы недавно стали близки, когда воссоединились под одной крышей. А это случилось после смерти мамы. Они развелись, когда мне было восемь. А девять лет назад... , нет, уже почти десять, сначала он пришел на похороны. Потом еще пару раз заглянул, а потом сказал, что хотел бы жить с нами. Со мной и внуком. Да, тогда мы остались вдвоем. Богдану было три с небольшим.

Впрочем, папа – человек неординарный. Он – писатель, и у него есть несколько довольно известных в свое время фантастических романов. Параллельно он всегда руководил каким-нибудь периодическим изданием. В последние годы зарабатывал редактированием. Сейчас тоже – время от времени. В основном, он продолжает писать, но уже не публикуется. Наверное, потому, что не может довести свои нынешние произведения до финала. Поставить точку. Я ему в душу не лезу, и вообще, не мое это дело. Но пару раз, когда он был на прогулке, сунула-таки нос в его компьютер. И была ошеломлена. Невозможные образы, небывалые, словно размытые, но живые, невероятно сильные, зримые, – миры, вопросы, чувства... Все действительно очень сложно. Но сейчас не об этом речь.

– Па, я привлекательная?

– Ну, – он поднял бровь, – зачем ты так? По мне, так ты настоящая красотка.

– Да ладно, па! Я серьезно. Я-то знаю, сколько мне лет, и в зеркале вижу то, что есть ... когда в очках, разумеется ...

– Не надо самоунижения. Дурацкие комплексы. Российские. Ты – это ты. И есть в тебе тот самый огонь. Опасный, провоцирующий. Ты – нерастрченная, совсем наоборот, – он запнулся, споткнувшись о мой мрачный взгляд, – Что, дело в эсэмэске, которую ты получила утром? Мне Богдан рассказал.

– Да нет. – Чего это Богдан разболтался? Неужели это задело его больше, чем казалось?

По телу разбегалось приятное тепло, и я постучала ногтем по опустевшему бокалу. Папа с готовностью наполнил его снова.

– Знаешь, если вспомнить, что утверждают психологи, с подачи невменяемого Фрейда ... Ну, это, что отношения женщины с мужчинами обусловлены ее отношением к отцу... – задумчиво заговорил он, глядя мне в глаза. – Как ни крути, здесь у нас не заладилось. И у тебя по жизни не вышло ничего путного...

– Чушь! – может быть, это и прозвучало уверенно, но на самом деле я уже анализировала упомянутую идею. Среди прочих она достаточно видная, чтобы проскочить незамеченной. И, честно говоря, все может быть. В свое время я была счастлива, когда папа ушел из дома, потому что он был чем-то инородным. Или казался таким. Но я не собиралась обсуждать это с ним. – Я не считаю, что у меня ничего не вышло!

– Нет-нет! – спохватился папа, он встал, вытащил из холодильника лимон, порезал его тонкими кружочками и посыпал сахарным песком, – Я говорю не о жизни в принципе, а о мужчинах. Только и всего! О ничтожной половине человечества, без которой ты так хорошо обходишься. И представители которой, кажется, снова чем-то досадили тебе.

Перевести душевную беседу в хороший скандал – это искушение. И достойное завершение сегодняшнего дня. Я быстро взвесила «за» и «против». Все-таки не пойдет. Так не удастся поговорить по существу, а этого мне хотелось не меньше, чем скандала – как разрядки напряжения. Я вздохнула:

– Ты забываешь, что два моих самых дорогих человека – сын и ты – мужчины.

Он перевел дух, стараясь смириться с моим упорным непониманием:

– Это совсем другое. Я хотел сказать, что чувствую себя виноватым. Я знаю, что это так. Время ... Ну да ладно. Что, история с президентом имеет продолжение? – он был в курсе инцидента с Погодиным.

– Ну-не-знаю. Не совсем. Помнишь, года два назад у меня был конфликт с Тереховым? В «Дар-пресс»?

– Конечно. Неужели это было так давно?

– Он – наш новый гендиректор.

– Теперь понятно. – Папа снова наполнил бокалы. – Может быть, тебе стоит забыть о прошлом и посмотреть, что будет? Люди меняются.

– Точно, – ухмыльнулась я.

– Насколько я помню, он хотел встретиться с тобой вне работы. Ты игнорировала, равно как и всех прочих мужчин, поимевших наглость увидеть в тебе женщину, в общем, ничего особенного. Хотя в тот раз мне казалось, что ... – (я насторожилась, не миновать скандала!, но папина реакция оказалась на высоте). – Ну ладно, замнем. Потом этот самый Терехов, как ни странно, обиделся и повел себя недостойно. Но знаешь, Лен, мужчины часто ведут себя по-идиотски. А потом все забывают, особенно с появлением нового предмета ... Может быть, рано паниковать?

– А я и не паникую. Я увольняюсь. Завтра, в одиннадцать.

Подняв глаза, я с удивлением увидела, как порозовел и оживился мой отец.

– Можно, конечно, – весело произнес он, – но ... Ты боишься Терехова? Почему? Чего ты боишься, Лена?

– Эсэмэсэсэмэсэсэмэсэсэмэска! – меня буквально подбросил вырвавшийся из мобильного противный механический вопль. Быстро схватила телефон и откинула флип. Читать.

«Я хочу быть вашей собакой, чтобы сейчас видеть вас. И завидую вашему сыну, потому что он рядом с вами».

Так. Замечательно. Перед глазами промелькнуло лицо Кости, и я уставилась на номер, с которого пришло это трогательное послание. Номер не опознан! Что за чушь? Тоже мне, техника. Я нажала пару кнопок. Сравнила номер Кости с исходящим в сообщении. Не то. У меня вообще нет такого номера в контактах. Странно. Да ладно, кто это может быть, если не Костя? Его стиль. Юный и бесхитростный. Я захлопнула телефон и подняла голову.

Папа улыбался во весь рот.

– Что?

Он взял пульт от телевизора и с невинным видом включил его:

– Посмотрю комедию на ТНТ. Ты сегодня никудышный собеседник.

Вот так. Полный облом.

– Да нет, мало выпустить обойму в некронов. Они тут же поднимаются, чтобы отрубить тебе голову, А у Хаоса – Алающие крови – мелочь, проблема – Алифас Наследник.

Нормально. Ребенок общается по телефону.

Верно, – усмехнулась я, не открывая глаз. Проблема – это наследник.

Стоп. Почему он в моей комнате? Неужели уже утро?

– Ма! – Богдан на секунду прижал трубку к груди, – вставай, уже без двадцати восемь! Я скоро ухожу!

– Вытащи из холодильника масло и ...

Сын уже выскочил из спальни, предусмотрительно хлопнув дверью. Надо думать, он не «расслышал», что нужно вытащить из холодильника. Я с трудом разлепила веки и поплыла на кухню. С двух сторон мои передвижения страховали верные Клар и Фло.

И тут ... Сознание пробудилось яркой вспышкой.. «Я увольняюсь сегодня, в одиннадцать утра!»

В одиннадцать?

Я быстро соорудила бутерброды для Богдана, высыпала в миски корм и нарезала отварной говядины для собак, накрыла салфеткой завтрак для папы. Он еще спит.

Бегом в ванну. Глаза, где глаза? На лице должны быть глаза! Ладно, зато вчера мне было хорошо. Сколько же я выпила? Слава Богу, голова не болит. Папа знает толк в этом деле. И лимончик был кстати. Однако ...

Застыла перед открытым шкафом. Шмоток полно, а одеть нечего. Классика! Да ладно, я знаю, как нужно составлять гардероб. Но не с этой целью западаю в магазины. Магазины – моя отрада, а вещь должна мне улыбнуться. Короче, я покупаю для радости, гораздо реже – для определенного случая или цели, и, бывает – чтобы обрести связующее звено между беспорядочно полюбившимися отдельными предметами гардероба.

Надела джинсы и свитер. Сняла.

Черт.

Черный костюм и зеленую блузку. Слишком торжественно.

Да плевать, в конце концов.

Твидовые брюки, серенький короткий жакет и тонкую розовато-сиреневую кофту в серую полоску. Серовато, конечно. Но это мое дело, как одеваться. Сюда еще нужно сапоги с каблучком. В общем, день и без того не сулил пряников, так что будем последовательны.

Звонок в дверь. Это может означать только одно. У кого-то из соседей проблемы.

Точно. Миша – сосед снизу. Я бы предпочла, чтобы Верка заскочила одолжить сто баксов, как обычно. А Миша – в такую рань – это тревожно как-то.

– Слушай, Лен, у меня с потолка капает! – Звучит почти радостно. Вообще-то он всегда флиртует со мной, если пересекаемся в лифте или в ближайшем супермаркете.

– Какая неприятность! – пылко сочувствую я. – Но у нас все в порядке. Можешь убедитьсяся.

Сунув нос в каждый уголок моего санузла, свежим ремонтом которого я все еще горжусь, он застрял в холле:

– Выглядишь прекрасно...

– Спасибо, – демонстративно прицеливаю поводок к ошейнику Клара, доброжелательно обнюхивающего гостя. Флоренс все это время продолжает лаять, спрятавшись в кухне. Ну и что? Они ведь не сторожевые собаки. В нашем случае.

– Ладно. Пойду выше. Хотя, думаю, это не имеет смысла.

– Мне очень жаль.

Прогулка с собаками. С обоими. Богдан сегодня уклонился, потому что я проспала, и ... Они тянули меня в разные стороны. Вернее, Клар тянул, а Фло несла себя с царским достоинством. Копошилась возле пригорка, слабо припорошенного снежком. А Клар прыгал от нетерпения, досадливо тьякал и испачкал мне брюки грязью. В общем, погуляли. Успели даже поболтать про жжжисссь с Лехой – никак не разберусь, бомж он или просто пьянь. Но добродушен обезоруживающе. И если бы во время беседы с ним можно было дышать, меня бы не так напрягало, что он всегда вырастает на пути, когда я выгуливаю домашних любимцев.

Затолкав сладкую парочку в квартиру, для порядка глянула в зеркало. И так сойдет. Пока доеду до работы – грязь высохнет, и собачью лапу с брюк можно будет оттереть. Меня ждут в десять, а уже без двадцати десять. Конечно, вчера я собиралась явиться в одиннадцать,

но, засыпая, передумала. Глупая бравада. И провокация. Что стоит один только раз прийти в десять, чтобы покончить с этим раз и навсегда? Но не получается, как назло. Я вылетела в дверь, с удивлением заметив, что папа проснулся и появился на пороге своей комнаты. Для приветствия времени не было.

«У Хаоса проблема – Алифас-наследник»!

– Елена Сергеевна!

– Да, дорогая! – Я обернулась. Эта крыса, кажется, сторожила меня в коридоре. Администратор хренов. Уверенная такая, красивая, стильная девка лет двадцати пяти. Или тридцати? Это я упомянула ради справедливости. У нее – снова не помню, как ее зовут, кажется – Света – большие карие глаза и длинные темные волосы, собранные в хвост на макушке, классная высокая фигура (ну-ничего-лишнего), дорогой клетчатый костюм. Вот. Теперь я внимательно ее рассмотрела. Напоследок.

При слове «дорогая» она дернулась, как будто я обозвала ее стервой. Я улыбнулась.

– Вас спрашивал Вадим Петрович, – процедила «Света» одними губами.

– Ладно. Спасибо.

Удивительно, как вся эта мелочь чутко замечает, кто скоро упадет? Уверена, что «Света» считает мою песенку в этом учреждении спетой. И правильно считает.

Я влетела в комнату, где работала, коротко ответив на приветствия тех, кто удостоил меня приветствием. Костя встал при моем появлении, и я весело покачала головой: когда выбегала из метро, мне пришла новая эсэмэска, но читать было недосуг. Я уже не сомневалась, что это Костя развлекается, но ... номер был непонятный.

Бросив полушубок на кресло, выхватила из ящика стола предусмотрительно подготовленную вчера папку и отправилась к начальству. По дороге, правда, замедлила шаг, потому что внутри меня что-то происходило. Я вспомнила папину усмешку: «Ты боишься Терехова?».

Ну что ж. Есть вещи, которых я боюсь. Я боюсь неприятностей. Ненавижу, когда что-то выбивает меня из колеи. Я давно уже не ищу приключений.

Секретарь босса сдержанно кивнула и показала на дверь. Меня, стало быть, ждут.

Ну что ж. Вперед.

Терехов был не один, что давало мне передышку. Он сидел за своим столом, а перед ним – Груздев – редактор Центра новостей. Они беседовали. При моем появлении Груздев кивнул, а Вадим показал на ряд стульев, стоявших вдоль стола для совещаний. Мило.

Села я все-таки подальше от него, при этом он рассеянно скользнул взглядом где-то поверх моей головы. Я что-то не так сделала?

Почти сразу Терехов встал и протянул Груздеву руку. Мельком взглянул на часы. Ну да, почти одиннадцать. Еще несколько фраз, смысл которых до меня так и не долетел, и Груздев откланялся.

Вадим прошелся по кабинету и сел напротив. Я немедленно открыла папку, которую перед этим положила на стол. Он смотрел со скучающим видом, подперев голову ладонью.

– Я все подробно расписала... – глупо, но миролюбиво начала я.

– И какая в этом необходимость?

Я взглянула ему в глаза. Полная безмятежность. И протянула листок, лежавший поверх прочих:

– Для ясности.

Это было заявление об увольнении. Он без интереса пробежал его глазами, даже не взяв в руки, и кивнул.

Замечательно. Я принялась монотонно излагать положение дел, по очереди извлекая и показывая записи. Наконец он шевельнулся:

– Хорошо.

– Правда? – мой голос прозвучал неожиданно радостно.

Терехов встал, небрежно взял мое заявление и, скомкав, бросил куда-то в угол кабинета. Это не входило в мой сценарий.

– В принципе, думаю, все тут смазано и катится без проблем, но ситуацию надо менять, – буднично заговорил Вадим, и без всякого перехода. – Ты плохо спала сегодня? Выглядишь не как обычно. Нездоровится?

– Все нормально, – выдавила я.

– Мне-то все равно, когда ты приходишь на работу, – мягко произнес он.

Он говорил мягко, почти тепло, но в этом голосе чувствовалась жесткость. Волк в овечьей шкуре. Но волк, еще какой волк! Я не сомневалась, что в тех же мягких интонациях он может сказать мне любую гадость, типа «это не работа, тебе трудно будет найти место по способностям, но уж постарайся, во всяком случае, здесь ты больше не нужна». Впрочем, по всему, сейчас он не собирался говорить ничего такого. И что это, черт побери, меняло?

Я тоже встала:

– Вадим, я ...

– Мне все равно, – словно не слыша меня, продолжил он свою мысль, – Но мне показалось, что этот пункт раздражает президента. Странно, ты не находишь? Ладно, что-нибудь придумаем.

– Послушай, я не смогу с тобой работать, так что придумай лучше, кого пригласить на мое место, – раздраженно выпалила я, наконец.

Он поднял бровь:

– Почему не сможешь?

– Ты знаешь.

– Я довольно смутно припоминаю, что у нас были разногласия, – он бесстрастно смотрел мне в глаза, – но стоит ли на этом заикливаться? К тому же, поверь, ты тогда превратно все истолковала. Возможно, я и приглашал тебя куда-то, чтобы не показаться не вежливым, почему нет? Но особых посягательств с моей стороны не было, я в этом уверен. И мстить за отказ я не стал бы, поверь. Кажется, ты именно так все интерпретировала? Как вообще такое могло прийти тебе в голову?

Ну вот, теперь я должна почувствовать себя полным ничтожеством:

– Может быть, сгоряча, – кротко раскаиваюсь, глотая ярость. – Я тоже смутно припоминаю детали, но не в этом суть. Помню только, что меня прокатили после того, как я сделала работу. С твоей подачи или нет, но ты был на стороне того кидалы с потными лапками и бегающими глазками. Да и потом, ты еще раз перебежал мне дорожку, и, какое совпадение! – меня снова ждал облом ...

– Боже мой, что за жаргон? – он поморщился, – Это действительно могло быть совпадением.

– Сленг. Но это не было совпадением. Хотя, честно, Вадим, я не хотела говорить об этом. И не хочу. Извини. – Последнее слово было лишним. Как оно слетело, не понимаю. Я – ничтожество.

Пока я говорила, он обошел стол и теперь стоял рядом, засунув руки в карманы и глядя на меня сверху вниз. А я, соответственно, снизу вверх. Высокий он, гад. И тут никакие каблуки не помогут. Высокий, худощавый. Короткая стрижка, темные с проседью, жесткие на вид волосы. Черные глаза, очки. Я чувствовала исходящее от его тела тепло. Это будоражило.

– Я тоже не хотел. Извини. Давай считать все это недоразумением, пойдет?

– Не думаю, что ...

Черт! Легко обняв за плечи, он бесцеремонно повел меня к выходу!

Задохнувшись от злости, я оттолкнула его, по-моему, в тот самый момент, когда он отпустил меня сам. Вот таких штучек я и боялась, черт его побери! Тут я беззащитна!

– Прости! – он смеялся, – Это простой дружеский жест. Возьми свои бумаги и иди, работай.

Ладно. Тайм-аут.

– Но не стоит так уж явно флиртовать со здешними мальчиками, – весело бросил он выдгонку, когда я уже выходила.

По барабану. Я не стала оборачиваться.

Итак, что мы имеем? Повторюсь, события развивались не по моему сценарию. Терехов смеялся надо мной, это очевидно. И первый раунд был за ним. Хотя нет. Уже второй. Не в мою пользу. Обвал по всем фронтам? Похоже на то.

Ну ладно, ладно. С другой стороны, что ж тут «ладно»?

Можно было бы снова накатать заявление и на сей раз оставить секретарю, а завтра уже не выходить на работу. Но, учитывая заминку с президентом, я рисковала получить волчий билет. Если честно, я и сейчас этого боюсь. Наш профессиональный круг достаточно тесен, как это ни странно. Тем более теперь, когда все стараются вести дела «по-взрослому». То есть наводить справки о потенциальном сотруднике на предыдущих работах. Сплетничают почему зря.

Откровенная дискриминация по половому признаку? Да кого это волнует в нашей свободной стране? Не говоря уже о дискриминации по возрастному признаку, что вообще никого и нигде не волнует, по моему. Есть тут, конечно, парадокс.

Мне стало жутко жаль себя.

С мрачным видом я вернулась на рабочее место и ..

На моем столе красовалась смешная яркая коробочка шоколадных конфет. Смешная, потому что она была в форме сердца. Я рассмеялась и оглядела офис. Ребята подняли головы и смотрели вопросительно.

– Что-то не так? – спросила Вероника – наша секретарь.

– Кто принес это? – я показала на коробку.

Все привстали со своих стульев, чтобы увидеть мой стол, потом принялись изображать полное неведение вперемежку с недоумением. Улыбаясь, я заглянула в глаза Косте, но он только пожал плечами.

– Ладно, тогда угощайтесь. – Я открыла коробку и положила ее на край стола, а одну конфету запустила в рот. Вкусно. Говорят, шоколад может сделать человека счастливым. Впрочем, как и соленый огурец. Все зависит от обстоятельств.

Вспомнив о непрочитанном утреннем послании на сотовый, открыла телефон. Читать.

«Я больше не завидую вашему сыну, потому что хочу быть вашим любовником».

Так. Пора принимать меры. Обнаглел мальчишка.

На сей раз взгляд, брошенный на Горнштейна, был холодным с нотками предостережения. Но он не достиг цели. Парень с головой ушел в работу. Что ж, успеется. Вздыхнув, я последовала его примеру, предварительно проглотив еще одну конфету.

Решение придет по ходу пьесы. Надеюсь.

Около восьми я покинула офис. Костя шел со мной до метро. На улице было скользко, и он предложил руку. Признаюсь, я слишком устала, чтобы выяснять с ним отношения. В конце концов, не к спеху. И потом, что плохого в том, что разок-другой в день я читаю в своем мобильном легкие бодрящие признания? Однако провожать себя до дома не позволила. Он парень понятливый, я это, помнится, уже отметила.

Надо же, скоро ноябрь кончается, но погода держится теплая, и от метро я пошла пешком. В воздухе кружатся легкие снежинки, под ногами сверкает, но мороза не чувствуется. Улицы

и витрины уже начинают наивно пестреть новогодними украшениями. Гирлянды, елки. Пора подумать о подарках? Опять же, скоро начнутся распродажи, и можно будет порезвиться на славу. А что мне еще остается?

Замедляю шаг. Все, что происходит на работе (где еще что-то может со мной происходить?) по сути – пустяки. И все-таки, по безмятежной глади души пошла рябь.

Иногда мне кажется, что я существую отдельно от своей жизни. Она то муторно замедляет темп, снося целые года в неуловимое никуда, а потом вдруг вспоминает обо мне, скручивая минуты, дни, месяцы в свистящие плети, выбивающие из уютной теплой норки в заснеженные или выжженные пустыни. Там я всегда оставалась одна. Тема закрыта. Тема одиночества. Мне не жаль, что все кончено.

На груди забился телефон, прямо как пригретая птица. И запел.

– Мама, ты где? В этой игре, которую ты купила, ну нелицензионной, помнишь? Знаешь, как тут называется обойма? «Журнал»! Сколько зарядов в твоём журнале? Бери журнал и стреляй!

Я не одинока. И дело не в том, сколько мне лет. Я отдала свою любовь надежному сердцу тринадцать лет назад. Всю, до капли. С тех пор я счастлива. Можете считать, что вчера мне исполнилась тысяча.

Увидев свое отражение в витрине, я выпрямилась. Странно, и каблучки не напрягают.

Все-таки им удалось заполнить меня в десять утра. Неугомонный Терехов решил проводить еженедельные летучки именно в это время. Наша контора издает двенадцать ежемесячных журналов, так, видите ли, ему нужно мнение консилиума по каждому новому номеру. Ничего особенного – рядовая полифоническая некузьявость – такое практикуется, но почему ни свет – ни заря?

Впрочем, Ген меня не беспокоил, так что я тоже старалась не нарываться. Но в этот раз не обошлось.

Обсуждался мой журнал. Мы еще вчера, получив номер из типографии, целый день скрипели зубами. Фотокор Рома матерился как пьяный дворник, поливая выпускающего по издательству и отсека. Дело в том, что нормальный такой, ядовитый материал о договоренности между Россией и США по условиям присоединения РФ к ВТО был жестоко обезображен противным коллажем бильд-редактора, которого я всячески пыталась изолировать от наших материалов. Однако на летучке я уперто молчала. Во-первых, потому, что после драки кулаками не машут, во-вторых, потому, что не люблю публичных разборок, и эти летучки – простая формальность, блажь Терехова, который сам по себе абсолютно авторитарен. Как, впрочем, и я.

Но тут Груздев выпендрился:

– Это что за безвкусица на тридцать девятой странице?

– Вопрос к Ершову (отсек) или Шубику (бильд-редактор), – с готовностью лаконично переадресовала я, невольно поморщившись.

– Нам пришлось выходить из положения, – багровея, взвился Николай Петрович Ершов, – чтобы заменить убожество, которое вы поставили.

Наглость какая!

– На верстке была иллюстрация, – холодно возразила я.

– Пригласите сюда своего фотокора, пусть он принесет вашу иллюстрацию! – рявкнул Ершов.

Да что такое происходит?

– Я здесь, этого вполне достаточно. – Было искушение пухнуть в придурка нашим увесистым глянцевым монстром, но я удержалась. – Вы лучше покажите верстку, которая висела до последней минуты.

– Я все-таки соглашусь с Леночкой, – промурлыкал рыжий весельчак Попов, эксперт в области культуры. Очень локальной области, по его авторитетному мнению. – Припоминаю, там действительно была иллюстрация, Коля. Вы что-то напортачили. Но, – он осторожно глянул на страницу, и показательно перевернул ее, – учитывая, что разумное, а тем более грамотное население страны не превышает трех процентов, ничего страшного не произошло. Кроме того, разумеется, что Коренев незаслуженно лишен гонорара за снимок.

– Почему редакторы не подписывают полосы перед отправкой в печать? – поинтересовался Терехов, сидящий, естественно, во главе собрания.

– У нас это ...э.. не принято. – Ершов старался говорить твердо, но голос его вибрировал.

– Значит теперь это принято, – отчеканил гендиректор. Оглядев присутствующих, он уставился на меня. – Любопытно, Елена Сергеевна, почему не вы подняли вопрос о замене иллюстрации на безобразный коллаж? Вам все это до такой степени безразлично?

Ну, прямо детский сад. Супер. «Бери журнал и стреляй».

– Инерция. По привычке собиралась сама разобраться, – я прямо эталон миролюбия.

– А кому завтра придется разбираться с такой же проблемой, вас не интересует?

Третий раунд. Я – на лопатках. У меня серьезные проблемы.

– Но ведь теперь у нас больше не будет проблем, правда? Все в прошлом? – медовым голосом прозвенела я, невинно глядя боссу в глаза.

– Это у кого – как, – философски заметил Попов, задумчиво наблюдая, как мы с Тереховым играем в гляделки. – Вы уж извините, Вадим Петрович, кой по ком тут проблемы давно плачут. Я, например, год добиваюсь нового макета, а чрезвычайно занятой наш дизайн-клуб на чужих полосах в это время гадит...

Душка Попов. Браво. Не забыть поцеловать его в рыжие прокуренные усы.

После летучки, закулив сигарету в компании с Пашей (он же – Попов), Груздевым и присоединившимся к нам на лестничной площадке Горнштейном, я не могла не признать, что была не права.

– Ты на взводе, Леночка, – Попов выпустил изящное колечко дыма. – Что с тобой? Ты же наш парень! А наши парни не заводятся по пустякам.

«Наш парень» – это мое естественное состояние. Я действительно такая. К сожалению не все это понимают.

– Я бы не стал все так упрощать, – с нежностью в голосе встрял Костя, и вдруг врубился, – что-нибудь случилось?

Я поежилась.

– Да ничего не случилось. Текучка, – ответил рассудительный Груздев, и Попов взглянул на него с жалостью.

– Завтра пятница, Ленуся. Отдохни, выпей с другом. В отпуске ты давно была? – не унимался Паша, и я подумала, что его пронизательность выходит мне боком. Хотя мысль интересная.

– Ты прав, я давно не была в отпуске, – прокаркала я, заметила, что все смотрят поверх моей головы, и обернулась: Терехов. Как черт из коробочки.

Да, он может напрягать людей. Я со злорадством метнула взгляд в Попова: «А ты как давно был в отпуске?»

Ситуация, в общем-то, нормальная. Новое начальство – всегда удар по стабильности. У каждого из нас есть слабые места, и часто мы знаем о них достаточно, чтобы не чувствовать себя в полной безопасности. Дабы не стоять спиной к Терехову, я передвинулась к подоконнику, на который и присела.

– По опыту знаю, пока не освоишься в курилке – не станешь полноправным членом коллектива, – с легкой улыбкой сказал Вадим, прикуривая, – Кто-то здесь рассчитывает на отпуск?

– Да Бог с вами, Вадим Петрович, – снова загудел Попов, изображая бешеный энтузиазм. – Мы полны сил и творческой энергии. Отлично, что заглянули к нам на дымок. Уж и то хорошо, что вы, кажется, не намерены бороться с этим преступно не модным пороком. – Он махнул в воздухе своим окурком.

– Хотелось бы, но, боюсь, не имею на то морального права, – усмехнулся Терехов и перевел взгляд на Костю: – Вы, кажется, работаете в «Большой перемене»?

– Да. – Его кивок походил, скорее, на учтивый поклон.

– И зовут вас, если не ошибаюсь ...

– Константин Горнштейн.

– В материалах нового номера я не видел вашей статьи ...

– Минуточку! – у меня и в мыслях не было высовываться, но наезд на моего сотрудника в моем присутствии выглядел абсолютно некорректным. – Вы сомневаетесь, что я контролирую ситуацию?

– Леночка! – снова «благодушно» встрял Попов, и на сей раз это вызвало в моей душе взрыв бешенства, бледное отражение которой, по-видимому, мелькнуло в глазах, потому что наш миротворец сразу с лица сошел.

– Я сдаю статью сегодня .. – Костя сделал шаг вперед, точно пытался загородить меня от надвигающейся опасности. В то же время я заметила, что на его лице появилось необъяснимое в данный момент выражение: гордости.

Хотя ... Черт!

Все смотрели на меня. Подчеркнуто спокойно, невозмутимо, и только чуть-чуть озадаченно. Терехов едва заметно пожал плечами и улыбнулся.

Я молча соскользнула с подоконника, бросила сигарету в пепельницу, протиснулась мимо мужчин – в коридор. И поспешила на рабочее место. Гори все ярким пламенем. На часах – половина двенадцатого. Впереди целый рабочий день – по моим меркам, конечно. А я чувствую себя как уж на раскаленной сковородке. И на летучке облажалась, и сейчас ... Может, это и паранойя, но думаю, Терехов не случайно заговорил с Костей. Все это в мой огород камешки. Или я схожу с ума?

Глубокий вдох, потом выдох.

Самое смешное, что, похоже, Костя расценил мое вмешательство в разговор с большим шефом, как проявление чувств ... Ну, сами понимаете. В общем, не заладилось у меня сегодня. Как говорится, в грязь лицом не промахнулась.

– Вы посмотрели снимки? – Надо мной навис фотокор Рома. У этого парня на моей памяти никогда не было сколько-нибудь сносного настроения. Он смотрел с плохо скрываемым укором – все эта дурацкая история с иллюстрацией.

Следовало как-то смягчить ситуацию, подбодрить парня. Я жизнерадостно улыбнулась:

– Не успела. Но не сомневаюсь, что все нормально ...

– Да уж, – он криво усмехнулся.

– Не бери в голову, Рома. Ты же не собираешься убиваться до второго Пришествия из-за того, что слетел один твой снимок?

– Нет, это, конечно, пустяки, – нехорошим голосом ответил Коренев и повернулся спиной.

Ну и черт с тобой. Зато Костя со своего места смотрел с такой нежностью, и может быть даже с сочувствием, что меня захлестнула волна благодарности. В конце концов, хоть кто-то в этой дурацкой конторе должен относиться ко мне одобрительно. И ... надеюсь, у него хватит ума этим ограничиться.

Дважды кликнув мышью, я открыла папку с готовыми материалами и погрузилась в работу. Спасительное занятие. Не буду отрываться до вечера. Слава Богу, сегодня пятница,

впереди выходные, завтра мы приглашены к Марине на день рождения Катьки. Марина – моя двоюродная сестра. Катя – ее дочь. Так что все хорошо.

– Елена Сергеевна!

Вообще-то Вероника числится у нас корреспондентом, но играет роль секретаря. Просто потому, что никак не соберется что-то написать. Я вытянула шею, чтобы увидеть ее. Вернее, чтобы она увидела, что я вся обратилась в слух. У Вероники ужасно пронзительный голос.

– Вас Вадим Петрович просит зайти.

Черт! Что ему нужно?

Бодро кивнув, я стала нервно перебирать в памяти, какие вопросы могли возникнуть у Терехова по поводу моей работы. Право же, я старалась быть точной, пунктуальной и предусмотреть все, чтобы у него не было повода хоть парой слов со мной перекинуться. Утренняя летучка не в счет. Тут я, может, и перестаралась. Инцидент в курилке? Неужели он позволит себе быть столь мелочным? Да и не стал бы он столько времени собираться с духом, чтобы теперь ... Я быстро посмотрела на часы. И сердце радостно подпрыгнуло: уже четверть седьмого, а значит, учитывая конец недели, можно отправляться по домам. Странно, похоже, кроме меня, это никому не приходило в голову. Наглядная демонстрация массового поражения трудоголизмом.

Что ж, я в таком случае вполне здорова. Сразу после визита к боссу – домой.

Терехов сидел за своим огромным столом и со скучающим видом смотрел на монитор. При виде меня он изобразил легкое удивление и еще более легкую радость:

– Так ты еще на работе? Прекрасно.

– Как раз собиралась уходить. У вас что-то срочное? – Что за цирк! Если от его внимания не ускользнуло, что рабочий день кончился, незачем было вызывать!

– Знаешь, твои коллеги беспокоятся о тебе, – бодро сообщил Вадим. Кивком головы он предложил мне сесть, – говорят, ты стала очень нервной и рассеянной последнее время.

Огромное спасибо коллегам. И «душке» Попову – в первую очередь.

– И что же? – я продолжала стоять, облокотившись рукой на один из стульев. Точно в позе не слишком любезной официантки, принимающей заказ на комплексный обед.

– Вынужден предположить, что это из-за меня.

– Что? – красноречие явно покинуло меня, и, боюсь, то же самое собирался сделать и мой голос. Что же это происходит?

– То, дорогая, что ты напряжена, взвинчена и что там еще с тобой! – Он встал, взял со стола какие-то ключи и, бросив их в карман, направился ко мне, – Вот я и подумал, что нам стоит попытаться как-то наладить отношения.

Теперь он уже просто нависал надо мной, нагло, то есть спокойно и чуть насмешливо, глядя прямо в глаза. И мне стыдно признаться в том, как я себя при этом чувствовала.

– У нас нормальные рабочие отношения, – прохрипела я, задрав голову, – Не все боссы и сотрудники живут душа в душу и дружат семьями, – к концу фразы я совсем выдохлась, тем ни менее дар речи вернулся, и меня захлестнула гордость.

– Согласен. Но мы можем попытаться. Ладно, рабочий день кончился, я приглашаю тебя поужинать. – Он со смехом поднял руку, предупреждая очевидный ответ: – Возможно, я второй раз наступаю на одни и те же грабли, но теперь я официально заявляю, что ни о каких ухаживаниях и речи нет. Просто ужин. В каком-нибудь ближайшем ресторане. Ничего такого. Согласна?

– Нет. И если это все, то я, пожалуй, пойду.

– Лена! – он остановил меня за руку, когда я уже собиралась ретироваться к выходу, – Что за детский сад? Ты прекрасно понимаешь, что надо поговорить. Скоро для всех будет очевидно: между нами что-то не так, хотя это «что-то» яйца выеденного не стоит!

– Наверно, ты прав, – нехотя согласилась я, пытаюсь освободить руку, – Я подумаю, как это исправить, насчет коллег. А что касается ужина ... Извини. Это невозможно.

– Можешь объяснить почему?

Мы смотрели друг другу в глаза как два опытных дуэлянта.

– Просто невозможно – никогда. Забудь.

И я гордо удалилась. Не оборачиваясь.

Выходя, столкнулась с этой... администратором. Вот девушка, которая не торопится домой, – подумала я. Может, ей и ужин обломится?

– Поздравляю, мам! – радостно завопил Богдан, едва я открыла дверь.

Все домашние по обыкновению столпились в прихожей, собаки рвались облизать, отпихивая друг друга.

– С чем, солнышко? – я поспешила разделить радость сына. Невозможно иначе, видя его сияющую физиономию.

– Флоренс, мы так думаем, беременна.

– Что?!

Я уставилась на Флоренс, умильно виляющую хвостом и виновато заглядывающую мне в глаза.

– Беременная она, мы думаем, – повторил Богдан.

– Но, Фло, вроде как... рановато! Я уже с Мариной договорилась отселить ее на время...

– Поздно, ма. Они сегодня два раза...

– Ладно!

Щенки – это такая морока. О чем я только думала, когда приобрела Кларенсу пару? С другой стороны, одного взгляда на Фло достаточно, чтобы устыдиться собственных эгоистических мыслей. Мы давно уже обожаем ее не меньше, чем Кларенса.

Настроение стремительно меняется. И теперь, если хотите знать, я ощущаю прилив счастья. Нет, правда. У нас будут маленькие! Завтра же куплю будущей маме витамины.

В доме Улановых было, как всегда, шумно и празднично. Вернее, так было всегда, когда собирались наши родственники и ближайшие друзья – шумная компания. На вечеринках со знакомыми и деловыми приятелями Антона – мужа Марины, все было иначе: шикарно, не спорю, но скучновато, на мой взгляд. Две эти армии, в общем, не очень хорошо уживались на одной территории, причем всецело по вине нашей стороны. Поэтому, в конце концов, родственники и самые ближайшие друзья завоевали право на отдельный банкет. Мы любим общаться своим тесным кругом, и не стремимся развлекать семейным шоу всяких знаменитых политиков и бизнесменов с их куколками или гранд-леди. А поразвлекать есть чем.

Первая линия огня – тетя Света, подруга моей мамы, и мать Марины – Александра Леонидовна. Она же – моя тетка со скверным характером. Они соперничают за кулинарное лидерство. Александра – сестра моего отца. Давным-давно она вышла замуж за ныне покойного художника из Риги, где они все и жили, пока не распался Союз. Перебраться в Москву им помогли папа и его брат – Владимир Николаевич Свиридов. Еще одна деталь: после института Володя был направлен в Турцию, откуда вернулся в Москву с женой – Фаридой. Классная она тетка, между прочим.

Вторая линия огня – папа и его брат. Третья, четвертая и далее по списку – между любимыми двумя членами клана, потому что все – очень разные, как, скажем, слон и сиамская кошка, гризли и кенгуру, ворон и сороконожка. Все вместе – прямо Ковчег Завета. Иногда мне

даже кажется, что некоторые перепалки происходят всерьез. В общем, не буду расписывать детали, просто замечу, что на наших вечеринках бывает очень шумно, эмоционально, пожалуй, даже скандально. И каждый старается перекричать остальных.

Моя семья, как обычно, немного припозднилась, но это здесь никого не удивляло. Все равно были и те, кто приходил позднее.

– Здравствуй, моя красавица! – воскликнула тетя Света, спеша навстречу со всей прытью, которую позволяли ей сто килограммов чистого веса. Добавочный составляли гирлянды изысканных старинных драгоценностей, прелестно звякавшие и звеневшие с каждым ее движением. При ходьбе она чуть наклонялась вперед, что придавало ей сходство с важной старой уткой, царствующей на птичьем дворе.

– Привет! – обнимая тетю Свету, я протянула за ее спиной руку Соне, которая давно и вяло, на мой взгляд, встречается с Алексом, моим двоюродным братом. Все-все, больше никаких подробностей. Какая разница, по большому счету, кто-кому-кем приходится. – А где Марина?

– Суетится в гостиной, пристраивает мой торт на видное место ...

– Лимонный?!

– Конечно.

Торты тети Светы – это песня. Ничего обезжиренного или низкокалорийного. Душевные старорежимные торты огромных размеров и неопишуемой красоты.

– А! Наконец-то! – откуда-то выскочила Марина, ведя за собой маленькую Катюку – виновницу торжества, имеющую на самом деле виноватый вид, – Тетя Света, эта невоспитанная девушка свистнула с торта одну розу! Я думаю, что смогу их все немного переставить ...

– Не надо! – снисходительно отмахнулась та, – Я предполагала что-то в этом духе, сейчас все поправлю, – и она скрылась в одной из комнат обширной квартиры Улановых. Чтобы иметь такие хоромы, они объединили три элитные квартиры в фешенебельном доме сталинской застройки. Впрочем, если быть точной, Антон сделал это еще до знакомства с Мариной.

Мечта, а не квартира.

Мы по очереди обнялись с Мариной, Антоном и вручили подарки Катюке, что сразу поправило ей настроение. Малышка немедленно вцепилась в Богдана, бросившего на меня жалобный взгляд, и поволокла его в свою комнату.

– Тебе помочь? – спросила я у Марины, – Здравствуйте! – это относилось к Володе, только что появившемуся на пороге.

– Привет всем! – радостно откликнулся любимый дядя, пропуская вперед Фариду, и тут же ткнул пальцем в папину грудь:

– Супер-галстук! – это их обычное приветствие кто-первый.

– Помогите! Встречай гостей, пока я там разбираюсь! – и Марина упорхнула на кухню. Просто спряталась перекурить, не сомневаюсь. Но встречать гостей я могу и в гостиной, а заодно насладиться зрелищем вкусно сервированного стола.

При моем появлении тетя Света, с удовлетворением прилепившая к своему роскошному торту запасную кремовую розочку, отступила на шаг, любуясь, и, наконец, осторожно опустилась в кресло, точно опасалась, что оно окажется недостаточно прочным:

– Сядь со мной, Лена, может быть, удастся парой слов перекинуться. – В руках она сжимала нож, крема на котором хватило бы на самостоятельное кондитерское изделие.

Вы не представляете, какой это крем.

– Дайте, оближу.

– Да пожалуйста, только осторожно. Хотя я бы на твоём месте не разменивалась по пустякам, – она бросила опасливый взгляд на огромный стол, буквально ломившийся от яств типа «ни в сказке сказать – ни пером описать». – Безобразие. Вот скажи, ты сумеешь встать из-за этого стола с чувством легкого голода, как положено приличной женщине?

– Еще чего! – я плюхнулась в соседнее кресло, – Я не для этого в выходной сползла со своего дивана под уютным торшером перед большим телевизором, ...

– Стыдно слушать тебя, Лена! – тетя Света передернула плечами, – Такая очаровательная женщина, и что? Неужели – никак? Все-таки ты работаешь, общаешься с людьми, неужели нельзя найти приличного мужчину, чтобы жить нормальной жизнью?

– Я не ищу, – ласково ответила я. Ласково, потому что люблю эту старую матрону.

– Вот именно. Галочка ужасно переживала. – Тетя Света сокрушенно вздохнула. Галочка – это моя покойная мама. – Она хотела, чтобы рядом с тобой был настоящий мужчина, благородный, сильный, надежный... Ты заслуживаешь этого, и я не могу понять, что происходит с этими лопухами. Нет, ты мне правду говоришь? Никого?

– Да ну что вы! Три поклонника! – решила я позабавить старушку, хотя назвать тетю Свету старушкой я бы никому не позволила. Чистое кошунство. Прежде всего, это совсем не соответствует истине. Она – очаровательная старая дама со свежим цветом лица, на котором лично я почти не видела морщинок, и живыми черными глазами. Да вы только гляньте на ее безупречную прическу!

– Ты смеешься надо мной или правда?

– Как на духу. Хотя один уже отпал, другой – вообще урод какой-то, но третий – вполне! Раздался мелодичный перезвон украшений, что означало легкое, приятное волнение:

– Я плохо слышу тебя! Эта компания так шумит там .. Ты сказала, что – вполне? Неужели?

– Да, но ему двадцать пять лет, или около того!

– Лена, это так модно! – восторженно воскликнула тетя Света, в ее ясных черных глазах зажглись бенгальские огни, но в этот момент в комнату ввалились папа, Володя, Антон и Фаридка. Фаридка хищно ринулась к нам, и собеседница с чувством сжала мою руку: – Потом обязательно уединимся на пару минут!

– Я не помешала? – вежливо поинтересовалась Фаридка, присаживаясь на подлокотник моего кресла.

– Шутишь! – отрезала старая дама, – Ты ведь знаешь, у меня одна тема: ищу свежую любовную интригу. А как ты? Все еще обожаешь своего мужа?

Необходимость в небольшой паузе между блюдами была очевидна, но у гостей не доставало сил подняться из-за стола. Застолье обслуживали домработница Улановых и две приглашенные официантки, так что надобности двигаться и вовсе не было. Это одновременно и расслабляло, и раздражало.

Я зафиксировала взгляд Марины и, уловив едва заметный кивок, незаметно выскользнула из-за стола, а затем из комнаты. Дурная привычка, согласна, но нам просто необходим перекур. В тишине и покое. Значит – в кабинете Антона.

– Давай скорее, – выдохнула Марина, нервно щелкая зажигалкой, – сейчас кто-нибудь хватится. Кстати, не терпится с тобой поболтать на актуальную тему, по телефону, сама понимаешь, это не то.

– Могла бы заезжать ко мне время от времени, – заметила я, выпуская струйку дыма: Все знают, что Марина не работает, в доме есть прислуга, и вообще ... Я всегда мечтала о такой жизни.

– Я плохая, – повинилась подруга, – Ну расскажи, как у тебя там, на работе?

Марина в курсе всех моих проблем.

– Все по-прежнему. Хочу уволиться, но что-то мешает... – мы уютно устроились в больших креслах с темно зеленой кожаной обивкой, поставив пепельницу на край антикварного письменного стола.

– Я много думала после нашего разговора, и, держись, сестра, но мне кажется, что зацепил тебя Терехов, – вкрадчиво произнесла Марина.

Взгляд, которым я ее окатила, нельзя было назвать дружеским.

– Нет, правда, – она не собиралась отступать. – А что тут такого уж сверхъестественного? Ты – красивая женщина, с ударением на «женщина». Какого черта не так? Он ведь не страшный?

– Нет, конечно. Иногда даже симпатичный... – я просто старалась быть объективной. – Но это не важно, понимаешь? Не нужно мне это. Не мое это.

– Почему?

Дверь тихонько открылась, и в комнате нарисовалась тетя Света:

– Я разгадала ваш маневр! – с довольным видом заявила она и тут же заняла место в центре нашей группы. Кресло под ней томно ухнуло. – У вас ведь нет от меня секретов, мои девочки? Ах, Бог ты мой, какие вы у меня красавицы!

Это не совсем правда. Вернее, правда, но только наполовину. Марина – настоящая красавица: блондинка со светло-кариими глазами, изысканными чертами лица, лебединой шеей и т.д. Жемчужина нашего рода. А я только иногда выгляжу неплохо. В моей внешности все неправильно. Это не ложная скромность – так оно и есть. Но когда кто-то поминает о моей красоте – приятно слышать. На сегодняшний день волосы мои выкрашены в коньячный цвет (так было написано на упаковке), глаза – зеленые, рост – метр шестьдесят четыре и вес около шестидесяти. Ну ладно, – шестьдесят два. Кажется. Ничего особенного. Внешне, я имею в виду. Внутри я – особенная, я действительно так думаю, хотя, разумеется, это моя маленькая тайна.

– Что, уговариваешь ее подумать о личной жизни? – как всегда энергично тетя Света приступила к своей главной теме.

Замечу, что Марина тоже любит ее, да и как не любить эту старую сплетницу?

– Я думаю, она созрела, – с готовностью отчиталась Марина, – но упирается, как обычно. Может, нам ее к врачу отвести?

– Вот ты смеешься, – осадила ее наша старшая подруга, – а я действительно думаю, что надо.

Это что-то новенькое, ну-ну!

– Да, – тетя Света резко повернулась ко мне всем своим необъятным телом, – Я действительно проанализировала ситуацию, (и когда это она успела, любопытно узнать) и поняла, что в свое время мы кое-что проглядели.

– Да ну! – формальная реплика. Уверена, им совсем неинтересно, что я сама думаю о своей личной жизни, а теперь еще и здоровье.

– Представь себе! Но это серьезная тема, и не стоит обсуждать ее впопыхах, – она всем корпусом повернулась к Марине: – Ты считаешь, что этот юноша ей подходит?

– Юноша?!

– Ведь ему двадцать семь? А, понимаю, вы рассматривали другой вариант, и это верно. Видишь ли, Лена, юноши – это шикарно! Но тебе это не подходит. У тебя другие проблемы, да и смелости не хватит. Можно пока поскромнее. Сойдет и мужчина.

– Жаль вас огорчать, но мне никто не нужен, кроме моей семьи и друзей. Все это несерьезно, дорогие. Понимаете, мне не нужно шоу. В смысле, когда что-то может быть, а может и не быть, и действующие лица – вполне заменяемые. Для этого я слишком ленивая, – возможно, мне действительно хотелось поговорить о своих проблемах, чтобы разобраться в них самой. Но, похоже, я стала косноязычной. Не стоило и начинать.

Марина и тетя Света молчали, глядя с участием и ... сочувствием.

– Все это – просто проблемы на работе. Глупости. Ничего больше. Нет здесь никакой романтики, тетя Света, – я рассмеялась – они действительно выглядели забавно.

– Эй, дамы! – Антон с шумом распахнул дверь, – Давайте устроим танцы!

Антон – просто прелесть. Вот за такого бы я ... Или нет. Черт! Разбередили душу.

Мне надо выпить.

Всего лишь двадцать минут одиннадцатого, а я уже на работе. И мне нестерпимо скучно. Нет, правда. Мне не нужно торчать на работе «от и до» для того, чтобы делать наш простенький журнал. Я не в том смысле, что есть не простенькие. Все – один хрен.

Понятно, да? Настроение ни к черту. В субботу мы отлично погуляли и вчера я целый день провалялась в постели, предоставив близким разгрузочный день. Богдан питался сухим кормом – это то, что заливают кипятком или разогревают в микроволновке, а папа... тоже ел что-то. Я пила минералку, слушала старые французские песни, читала эсэмэски – их было всего две, и...

– Привет!

Терехов как-то незаметно подкрался к моему столу:

– Ты сегодня рано. Прекрасно выглядишь.

Чистая ложь. Хотя... может быть. Почему нет?

Кивнув, я открыла свою почту.

Не дождавшись ответа, он подошел к Веронике и, перекинувшись парой слов, прошествовал на выход. Сотрудники поглядывали на меня как-то настороженно.

– Что? – поинтересовалась я у Ники, которая выглядела особенно обескураженной.

– Ничего, Елена Сергеевна. Вам сделать кофе?

– Пожалуй.

Да. Пожалуй, я казалась им невежливой, или что-то еще хуже.

Вчера я много думала об этом, и дала себе слово вести себя учтиво, по-деловому. Но приходится признать, что я игнорирую собственные решения, стоит только увидеть треклятого босса.

Надо же, когда мы только познакомились, он показался мне даже милым. Его лицо чудесно менялось, когда он улыбался – появлялось что-то мальчишеское и очень обаятельное. Мне жаль, что этим не закончилось, и он все испортил. Не потому что могли возникнуть какие-то отношения, а потому что я просто не люблю разочаровываться в людях. Я не люблю неприятности. И не умею прощать.

Почему я тогда не откликнулась на его призыв? Потому что не могу делать это с ходу. А он, как и большинство мужчин, если не все поголовно, не способен на затейливый любовный танец. То есть – ресторан, вечеринка... Или что там еще можно придумать... Короче, стыдно признаться, но он просто-напросто приглашал меня к себе домой. Говорил, правда, что будут и другие гости, но... Вполне возможно, что врал. Жаль, конечно, что он оказался таким кретинном и пошел на подлость. Создавать проблемы на работе женщине, которая не потеряла голову от твоего внимания – настолько низко, что после этого, будь он единственным мужчиной на земле, можно было бы считать, что мужчин на земле нет.

В общем, я снова видела только один выход. Мне нужна новая работа. И черт с ним, будь, что будет.

Если на то пошло, мне абсолютно неинтересно то, чем я сейчас занимаюсь. Полный отстой. Когда-то я с восторгом и восхищением бросилась в журналистику. Шуршание газетных страниц и глянец журналов вызывали вдохновение, коллеги – ощущение братства. Но по ходу пьесы жизнь неожиданно расставила совсем другие акценты, так что преобразилась сама идея. Вранье, штампы, заказные проблемы, манипулирование общественным сознанием. И кстати, ни разу не слышала, чтобы один журналист, говоря о другом, не помянул так или иначе о его безнадежной бездарности. «Талантлив был, да пропил», «трудолюбив, но писать не может», «милашка, но пустышка» и т.д. и т.п. Надоело. Скучно. Это что касается работы. В остальном, если мне сейчас так скверно, значит нужны перемены. Может, какой-нибудь скромный гражданский подвиг, о котором никто никогда не узнает.

Наверное поэтому вчера ближе к вечеру я отправилась в ванную, захватив с собой целый арсенал бутылочек, тюбиков и флакончиков. Новую жизнь нужно начинать с вдохновения. Около часу лежала, млела и плескалась в облаке экзотических ароматов, с наслаждением наносила маски на лицо и на волосы. Обернувшись огромным пушистым полотенцем, размазала по телу легкий лосьон с эффектом автозагара. Все это время перед мысленным взором стояла Марина – такая ухоженная, обласканная и изысканная. Конечно, она бы сказала, что к серьезным подвигам нужно подбираться через какой-нибудь супер-пупер салон красоты. Но это в другой раз. Обязательно.

В любом случае, возможно Терехов был прав, и сегодня я действительно неплохо выгляжу.

Внезапный жуткий вопль мобильного подбросил меня под потолок.

Эсээмээсэсмэска!

«Я люблю вас все больше и больше, это больно!»

Странно. Совсем не остроумно и не забавно. Или я наполнила простые слова интонацией, которой реально не было?

В данный момент Костя на работе отсутствовал, вообще, в редакции сидели только женщины: я, секретарь и Алла – корреспондент – энергичная такая девушка. Остальные ... Дайте-ка гляну. Вот: Горнштейн – интервью с Гверцетели, с ним и Рома – фотокор, Юрий Леонидович предупреждал, что задержится – что-то-там с техосмотром.

– Елена Сергеевна, вас не раздражает этот сигнал на сообщение? – вкрадчиво поинтересовалась Вероника, вытянув шею.

– Нет, он мне нравится, – соврала я. Терпеть не могу, когда кто-то пытается скорректировать мои ... как сказать? вкусы, дела, поведение? Ни то, ни другое, ни третье. Но вы поняли, что я хочу сказать: кой бы мой мобильник надрывался этим противным ревом, если бы не я сама его установила?

Надо признать, Вероника раздражала меня с каждым днем все больше и больше. Это я взяла ее на работу по просьбе одной из шапочных знакомых. Заняв свое место за компьютером, она с энтузиазмом принялась раскладывать пасьянсы, потешаться над анекдотами в Интернете и сплетничать с местными девчонками. Я терпела.

С работой почему-то не ладилось. Непостижимо, но факт: перед глазами навязчиво возникал ненавистный облик шефа. Ну на кой мне это надо? В продолжение анализа, я признавала, что в нем что-то есть. Папа считает, что люди меняются. Наверное, это так. Но как часто гурман может превратиться в аскета, бабник – в верного мужа, зануда – в клоуна? Если зафиксирована непорядочность, будьте уверены – это навсегда, как цвет глаз.

Впрочем, что-то, казалось, ускользало от моего внимания в этих рассуждениях ... Ну, скажем, разве я так уж безупречна? Иной раз такое выкидывала – вспомнить страшно. Конечно, я стараюсь не наступать на те же грабли, что пару-тройку раз въехали мне по лбу ... Стараюсь. Нет, не подумайте невесть что, я консервативна, церемонна, щепетильна, мой пунктик – приличия, и все такое. Никаких претензий. Но если, к примеру, немного перебрать с алкоголем ... Конечно, я держу этот вопрос под контролем. Прошу правильно меня понять. Я не пью в одиночку, вообще не западаю на это дело, и не очень хорошо переносу. Однако есть профессиональная среда, друзья, традиции, наконец. Короче, чувство коллективизма – вот моя уязвимая пятая. Пару раз в подпитии я затеяла драку, а еще переспала с кем-то, с кем ничего такого не планировала. Жуть, да. Но ведь это совсем другое. Я даже почти ничего не помню. А чтобы сознательно сделать кому-то гадость – никогда.

Ах, да. Мужчины. Мужчины – вообще. Не считите меня ущербной или слишком не от мира сего, но в жизни мне не удалось встретить ни одного достойного представителя «сильного» пола. Читай – достойного того, чтобы я могла разделить с ним свою жизнь. Хотя я встречала, сами понимаете, много мужчин, и пару-тройку раз была замужем. Возможно, мои пред-

ставления о Мужчине слишком архаичны. Потому что, прежде всего меня разочаровывает в них именно отсутствие силы. Их запросто положить на лопатки. Обижаются прямо как девицы, ранимы и осторожны. Они попросту слабы, а стало быть, убоги. Разумеется, сейчас я говорю о сфере наших с ними отношений. В остальном – все мы люди: карьера, супермаркеты, хлопоты на кухне – мы равны. В лучшем случае. Мне этого мало. Плевать, что я давно уже не школьница. А может быть именно поэтому, потому что меня давно не интересует партнер по вечеринке, ничем не обязывающие приключения в чужих постелях, материнская забота о здоровом мужике, которым нужно четко командовать, не забывая вовремя менять подгузники и подогревать молоко, а также то-то и то-то ... Знаю, многие вполне довольны такими отношениями, считают их удобными, и ... В общем, совсем не горжусь, что располагаю собственным аналогичным опытом. Нет, мне это не нравится.

Я так давно одна сражаюсь со всеми в мире ветряными мельницами, чувствуя себя устрицей, с которой содрали раковину и безжалостно истыкали всякими вилками и щипцами. Тут поневоле задумаешься о мужчине, как о Мужчине. Сильном, умном, способном брать на себя решения и ... все такое. А чтобы это не было оскорбительно для меня – как современной, умной, сильной и успешной женщины – нужна Любовь, которая все поднимает за пределы Прощения.

В общем, если иные и растрачивают по жизни юношеский максимализм, то я, очевидно, напротив, непомерно его нарастила. Сказка нужна, если честно. Может и неприемлемая, но волшебная. Про Женщину и Мужчину.

Постепенно в редакции собирались коллеги. За своим компьютером тихо, как мышка, трудился Костя. Юрий Леонидович, явившись где-то в два, с полчаса рассказывал кому-то по телефону о сложностях с техосмотром его древнего опеля. Где-то в середине дня я выходила закусить в кафе на втором этаже. Но в целом день казался на диво коротким.

– Леночка! Золотце!

Рыжие усы Попова лихо торчали на круглом лице постаревшего, но только не душой, гусара. Счастливая улыбка делала его похожим на весело закипающий медный чайник:

– Давай к нам на огонек! День варенья!

Я с недоумением уставилась на монитор: надо же! Восемь закрытых файлов. Это якобы я отредактировала восемь статей! Каким образом?

– Неужели .. Который час, Паша?

– Скоро пять! – радостно сообщил Попов, быстренько катясь ко мне между столами, – Раскидала свои нетленки? Мы же предупреждали, что сегодня нужно освободиться пораньше.

– Я практически свободна, – откликнулась я излишне бодро, извлекая из ящика стола заранее приготовленный для юбиляра подарок. Сегодня Груздеву пятьдесят пять. Выпивать не хотелось, но придется. Чуть-чуть. Я ведь «свой парень».

– Представляешь, и шеф почтит, – важно сообщил Попов, подпрыгивая рядом, когда мы шли по коридору.

Да мне все равно. Я только улыбнулась.

В большом офисе журнала «Круиз» столы были сдвинуты на середину и уже заставлены разнообразной нехитрой снедью из ближайшего супермаркета. Коллеги оживленно готовились оторваться на всю катушку.

Последнее время я не очень любила буйные корпоративные торжества, но это мои проблемы, не так ли? Гриша – системный администратор – включил музыкальный центр, и стены вздрогнули от какой-то попсы. Ладно, будем веселиться.

Терехов появился около семи. За ним неоднократно отправлялись и сам юбиляр, и неугомонный Попов. И появился он неприлично трезвым и бледным на фоне разгоряченных физиономий журналистской братии.

Думаю, я тоже цвела как революционный стяг. Но он не обратил на меня никакого внимания.

Нет, вы только посмотрите, прямо примадонна. Снисходительная, демократичная. Впрочем, возможно, я зря язвлю. Не удержалась, – его так смешно обступили со всех сторон, впору автографы раздавать. Попов пытался блистать своим знаменитым остроумием и заслужил одобрительную улыбку, но приблизиться к боссу как хотелось, ему не удалось. Ближе всех к Терехову крутилась администратор, ну помните, как ее? Полина? Кстати, она выглядела такой ... кокетливой. Право, люди – все люди, даже если иногда это кажется нам странным.

– Уфффф. – Попов аккуратно разместился на маленьком вертялом стульчике рядом со мной, вытирая со лба крупные капли пота. – Окно бы открыть, но боюсь, продует кого. Кстати, у меня свежие разведданные.

– Докладывай, – я пригубила минералки. Действительно было жарко.

Попов наклонился поближе к моему уху, смешно вытянув шею, которая, надо думать, у него все-таки была:

– Вадим Петрович – не простой наемник. Он – совладелец компании.

У меня отвисла челюсть. Как я могла такое пропустить?

– Не может быть!

– А вот и может. Он выкупил долю и пришел лично поруководить, чтобы контора не просто цвела, но и плоды приносила. Догоняешь? Полагаю, большие перемены грядут.

Я взглянула через стол, где сидел Терехов, напоминая медведя, потревожившего улей. Только в данном случае облепившие его пчелы сами умоляли откусать весь их медок, к чертовой матери.

По-прежнему лидировала девица администратор.

– Слушай, Паш, ты не в курсе, как зовут эту биксу?

– Которую? – Попов снова обратил свое внимание на закуску, и сейчас искал глазами, что можно приспособить под тарелку.

– Администратора, ну эту, в красном костюме.

– А, сейчас вспомню, хотя на кой тебе это ... Представляешь, мышь дрессированная, пасти меня повадилась: ах опоздали – ах, опоздали. И не только меня, но все равно обидно.

– Так как ее зовут?

– Элина Станиславовна, вот!

– Да ты что? – я искренне возмутилась, – Ты эту крысу по имени-отчеству величаешь?

– Ну, можно ЭлС – для краткости. А ты, между тем, глазки-то открой, милая, – Паша невинно заморгал своими заметно помутневшими от излишней радости глазами, но все равно умными, хитрющими голубыми глазками, – Девчушка, хоть я не возражаю против твоей характеристики, а таки правильная – по нынешним понятиям, конечно.

– Что ты хочешь сказать?

– Да ты глянь-то!

Я глянула, и мы с Тереховым встретились глазами. Ничего.

Попов сочувственно вздохнул:

– Она – девушка привлекательная. Вадим Петрович – рабосовладелец наш – со всех сторон привлекателен. Разумеешь?

– Да ну!

– Смею уверить, влияния у Элины Станиславовны уже теперь достаточно.

– Надо же.

– Елена Сергеевна, – раздался над ухом деликатный голос и, подняв голову, я увидела Костю. – Все уже ушли. Мне закрывать редакцию?

– Да, принеси мне ключ. Я тоже пойду с минуты на минуту.

– Кстати, – снова заворковал Попов, когда Костя удалился, – парень по тебе сохнет. И еще я хотел спросить: что у тебя-то с шефом? Между вами постоянно искрит. Это опасно.

– Ничего такого, старый сплетник, – улыбнулась я, – просто мы с ним уже когда-то работали и не сошлись характерами. Не нравится он мне.

– Ах вот так, да? Ну так это оч-чень опасно, Леночка. Ты же знаешь, чем эта искра кончается, когда мужчина и женщина друг другу «не нравятся». Верняк. И к гадалке не ходи. Теперь понятно, почему Элина Станиславовна – крыса.

– Не зли меня, Попов! Только не это!

– Да ладно. Хотя, думаю, ты не права.

Все. Час X. По коням. Все, что будет дальше – мне известно. Глупые пьяные бредни, коридор и лестницы охватит энергичное землетрясение. Завтра уборщица будет вопить матерно. Я встала.

– Куда? – предостерегающе твякнул Попов.

– Сейчас вернусь. – Никогда не нужно прощаться, если действительно хочешь улизнуть с корпоративной вечеринки в самом ее разгаре.

Нарочно или нет, но Костя дождался меня. Когда мы вместе шли по коридору к выходу, из своего кабинета неожиданно появился шеф:

– Смывается по-тихому?

– Все именно так как выглядит, – ответила я. Терехов по-прежнему был трезв, уж не знаю, насколько хорошо это его характеризовало.

– Можно задержать вас на минутку, Лена? – осторожно поинтересовался он, – А своего сотрудника можете и отпустить.

С ходу придумать возражение не удалось, кроме того, идея «отпустить» Костю мне показалась весьма удачной. Последнее время мне вообще казалось, что со своим молодым коллегой я угодила в какую-то странную ловушку. С одной стороны мне не в чем было его упрекнуть, с другой – его самого было ... как сказать? слишком много, он постоянно крутился где-то рядом, и это начинало раздражать.

– Ладно, иди, Костя. До завтра.

– Я тоже хочу незаметно смыться, – пояснил Терехов, пропуская меня в приемную перед своим кабинетом. – Не знаю, как реагировать на эти корпоративные посиделки. Понимаешь,.. все мы это проходили, но ...

– Ты, как руководитель, не можешь поощрять коллективное пьянство, – язвительно закончила я его мысль.

Вадим уже надел куртку и открыл дверь в коридор:

– Правильно. Пойдем.

Мы спустились на лифте и вышли в выбеленный снегом зимний вечер. Признаться, я пребывала в растерянности. Где-то я, видно, недосмотрела, не должны он и я вместе покидать офис, как какие-нибудь добрые друзья. Необходимо немедленно скорректировать ситуацию. Однако мы слишком быстро оказались возле его машины, а моей близости не было. Вообще-то, мне папа подарил машину пару лет назад, но я не люблю на ней ездить. Точнее – люблю, но, как правило, обхожусь без нее. Не знаю, как объяснить. Может, и впрямь не приучишь буренку под седлом гарцевать. С метро мне сподручней, и быстро и на автомате. Но будь сейчас рядом мой «седан» – и нет проблем, а тут ...

Он распахнул передо мной дверцу своего Лексуса:

– Я подвезу тебя домой, ведь это на Ленинском?

– Неподалеку... Не хотела бы...

Он чуть подтолкнул, и я села на переднее сидение, отчаянно чертыхаясь. Про себя, конечно.

– До меня дошли слухи, что ты совладелец компании, – сообщила я, когда машина пока-тила по улице. Может, и не следовало затевать разговор на эту тему, но ехать в торжественном молчании не очень приятно.

– А-а, это конечно Попов насплетничал, вы с ним сегодня были «не разлей вода».

– Не один Попов работает в редакции.

– Но таких сплетников как он еще поискать.

– А это что, секрет?

– Ничего подобного. Просто не тема для объявлений, на мой взгляд. Да нет, ерунда.

Почему ты об этом заговорила?

– Потому что не понимаю, чем тебя мог соблазнить этот вчерашний пирог?

– Странно, ты работаешь здесь и считаешь, что дело того не стоит?

– Отстой.

– Согласен. Но все можно изменить, если хочешь и знаешь как.

– Ты хочешь и знаешь?

– У меня нет выбора. Я уже в игре. А потом, такие вещи захватывают. Мне кажется, если ты тоже захочешь, у нас получится.

Мне показалось или нет, что в его словах затаилась в меру прозрачная двусмысленность? Терехов смотрел на дорогу, а что там собственно высматривать? Обычное московское черепа-шье ралли из центра в спальные районы. Веский аргумент в пользу метро.

Наконец он обернулся, взгляд был серьезным, хотя из глубины что-то весело поблески-вало:

– Что скажешь?

– Ничего.

– Ты ставишь меня в трудное положение, Лена. Сама представь, в сущности, я знаю здесь только тебя, не считая президента, конечно, но ему все это, в общем-то, по барабану. Он далеко. Это мы с тобой должны работать, чтобы когда-нибудь позволить себе то, что сейчас делает Погодин.

– Тебе еще очень далеко до этого? – живо поинтересовалась я.

– Очень. Не пойми превратно, дело в том, что я люблю работать. Создавать. Но не уходи от темы. Я знаю, что ты много можешь, так в чем дело? Просто лень?

– Может быть.

– Неуверенность?

– Да, а еще, если хочешь, я тебе про свои школьные двойки расскажу?

– Много было?

– В основном по математике. Тебя это радует?

– А ты хочешь меня порадовать?

– Почему нет? – лягнула я. Да это просто сарказм, или что-то в этом духе, разве не понятно?

– Тогда зайдем в этот ресторанчик, выпьем кофе.

– Нет.

– Да.

Он плавно припарковался у уютного кафе, до моего дома было уже рукой подать, но идти не хотелось – холодно. И потом, к чему эти глупые конфронтации? Ну, выпьем кофе.

Однако, когда мы уселись за столик, кроме кофе на красной льняной скатерти появился коньяк и шоколадные пирожные. Я забеспокоилась:

– Ты ведь не будешь пить?

– Не волнуйся. Довезу тебя в целости.

В общем мы немного поболтали, я осторожно язвила, но, думаю, выглядела вполне достойно: спокойной и недоступной. А когда вернулись к машине, он ... поцеловал меня. На

улице. На страшном морозе. И когда он целовал меня, в эту минуту-две-три-пять (я время не засекала) это было ... забавно.

А что тут странного? Все это не имеет значения. Обычное дело: алкоголь ослабляет контроль над древними инстинктами. Хотя... когда он целовал меня, я вдруг почувствовала себя очень даже трезвой, все было свежо и ясно, как в безоблачном утреннем небе.

Не поверите, но когда мы подъехали к дому, я хотела, чтобы он снова обнял меня и поцеловал. Мне даже стало жаль, что мы не сегодня познакомились, и он – мой враг. А может быть, именно это и заводило? Как бы то ни было, я чувствовала приятную вседозволенность, потому что в любую секунду могла оборвать эту бредовую авантюру. Все под контролем, не так ли?

И он поцеловал. Очень смешно.

– Ты великолепно выглядишь, – заявил папа, когда суэта в дверях поутихла и собаки перешли на более-менее ровное дыхание, а Богдан снова прижал к уху телефонную трубку и забубнил что-то вроде: «если у тебя запросы скромные, можешь отрываться»...

– Спасибо.

– Хорошо посидели?

– Посидели как обычно. Впрочем, банкет продолжается, просто я ушла.

– Добиралась на метро?

– Меня подвезли. Па, я чертовски устала. С собаками гуляли?

– Да, мы выходили.

– Замечательно. Господи, что это? – последнее относилось к звонку в дверь, – Кто это может быть?

Собаки снова с веселым тьяканьем кинулись к двери. Экий праздник!

Папа глянул в глазок и открыл. На пороге стоял Терехов:

– Прошу прощения за вторжение, здравствуйте, – сказал он папе и повернулся ко мне, застывшей с открытым ртом, – Это ты потеряла? Я подумал, что нужно их сразу отдать.

Он протянул мне связку ключей, болтавшихся на кольце с какой-то мягкой зверюшкой, и тут же наклонился погладить Кларенса, который почему-то страшно обрадовался гостю.

– Это не мое! – возмутилась я, чувствуя, как полыхает лицо. – Как ты узнал где я живу?

– Тоже мне проблема!

Папа смотрел вопросительно, Терехов – так, словно хотел подсказать, что в самый раз представить его семье. Богдан тоже нарисовался в прихожей, хотя только минуту назад ушел в свою комнату, исполнив роль в ритуальном буйстве «мама пришла».

Ну, куда ж тут деваться?

– Это Вадим Петрович Терехов, папа. Вадим, это мой папа, Сергей Николаевич.

«Кофе?» – «С удовольствием, но, боюсь, что ...»

«Много слышал о вас» – «А я никак не могу разговорить Лену...»

«Люблю ваши книги» – «Правда? Пора бы и мне их прочитать»

Они ворковали, как два старых приятеля.

А я ...

Минут через двадцать я попыталась вмешаться:

– Папа, Вадим Петрович любезно поднялся на минутку, потому что решил, что это я забыла в его машине ключи. – (Кстати, кто же это их там обронил?) – Досадная ошибка. Он устал не меньше моего, думаю, что ...

Оба повернулись ко мне и уставились с недоумением, как будто мое присутствие на собственной кухне оказалось чем-то неуместным.

– Думаю, Вадим не будет возражать, если ты отправишься отдыхать, – предположил папа.

– Конечно, нет! Но если я мешаю...

– Мы просто пойдем ко мне в комнату, – заявил папа, после чего они встали, взяли свои чашки и действительно удалились в его кабинет.

С минуту я посидела в кухне, но так и не уловила ни одной связной мысли по поводу того, что происходило.

Знаю, что тут можно сказать. Обыкновенный роман. Ну да, все нынче начинается на работе. Или в институте. Или в детском саду. Ну не на балу же. И все реже – в гостях у друзей. Банальная история. «Они просто обязаны полюбить друг друга». Только я вовсе не кокетничаю. И не перекладываю старую сказку на тысячу первый по-прежнему не новый лад. Типа «какая неожиданность! Да вот же она, оказывается, любовь-то!» Не моя вина, если это так выглядит. Нет.

Нет. Нет. Она – не она, разве вы еще не поняли?

Нет.

Громыхала в душе. Потом дверями.

Заглянула к сыну. На экране монитора – схватка, жуткие вопли.

«Слишком жестокая игра» – «Тут не надо убивать, достаточно нейтрализовать»

Выпила полфлакона корвалола. Тихонько включила диск «Релакс» у изголовья постели. Не важно, что я хочу. Вернее, не важно, что ...

Приглушенные голоса. Хлопнула входная дверь.

Слава Богу! Точно сто пудов с плеч. Наконец-то почувствовав себя дома, я с умилением взглянула на окно. Между портьерами было видно, как сыпет снег, и пушистые белые хлопья словно светятся изнутри. Нет места лучше дома. Особенно, когда здесь нет посторонних.

Меня разбудил бодрящий запах кофе. Приятное ощущение. А легкая тревога помогла сократить до минимума обычно затяжной прыжок из сна в реальность. В этом кофейном аромате было нечто необычное. Никто в доме не просыпался раньше меня, и тем более не готовил завтрака. Я села в постели и прислушалась. Клар, спавший со мной, тоже деловито поднял голову и вильнул хвостом.

– Доброе утро, – приветствовала я любимого пса, и он тотчас радостно спрыгнул с постели, готовясь, как обычно, сопровождать меня в ванную.

Но я отправилась инспектировать кухню.

С ума сойти. Папа. Он сидел за столом и смотрел по телеку «Доброе утро», сжимая в руках чашку, над которой вился легкий дымок. При виде меня мило улыбнулся:

Доброе утро.

– Привет. Тебе что не спится? – если по утрам я не бываю груба, то только с Богданом. Потому что он, как и я, об эту пору всегда не в духе. Можно нарваться.

Что касается папы, то еще на заре нашего воссоединения мы оговорили: по утрам со мной не препираться.

– Умывайся, я сварил кофе, – миролюбиво ответил он.

– Вижу. Это откровенный подхалимаж. Тебе что-то надо от меня. – Ай, какая же я дура! –

О чем вы вчера говорили с Тереховым?

– Не стоило называть меня подхалимом.

– Говори, о чем вы вчера сплетничали? – я приняла у него из рук чашку и сделала глоток.

– Нет, не скажу.

– Что?!

– Ты относишься предвзято даже ко мне, не то, что к Терехову. Не вижу смысла говорить с тобой на эту тему.

– Что?!

В ответ прозвучала длинная и сложная английская фраза. Кажется про кофе и погодные аномалии.

Приехали. Тупик. Для справки: мой папа – не просто англофил, он англоман. Обожает все английское – язык, традиции, культуру, манеры и прочее. Здесь есть интересный момент: когда что не по нему, он удаляется в «Англию», и становится совершенно неприступен.

Ну и ладно.

Остается только смириться. В самом деле, не ругаться же мне с папой из-за Терехова. О чем бы они там не говорили. Плевать.

И вообще, я чувствовала себя довольно легко, учитывая, что самоедство – моя любимая трапеза, что по утрам, что перед сном. Да, целовалась вчера со своим врагом. И это славно. Хоть какое приключение.

– Богдан!!! – завопила я, проходя мимо комнаты сына (чуть не забыла про него!), и распахнула дверь, – Сегодня не выходной!

– О господи! – воскликнул ребенок, которого буквально подбросило на кровати, – Мама! А вот если я тебя так разбужу? Понравится?

– Нет. Но некогда церемониться. Уже двадцать минут восьмого.

– Если не будешь приставать ко мне со своим завтраком и собачьим променадом, я уложусь за десять минут.

– Это неправильно, – рассудила я, – Бог с ними, с собаками, деда накажем. Но выбегать на мороз прямо из-под одеяла опасно. Вставай, сынок, труба трубит!

Между прочим, все эти утренние сбои в программе – по вине Терехова. Нет, вы только подумайте, какие разрушения в моей отлаженной, чудесно-спокойной жизни произвел единственный визит этого нахала в Мой Дом!

«А тут не нужно убивать, достаточно просто нейтрализовать». Ну-ну.

Когда я гуляла с Кларом, позвонила тетя Света:

– Я плохо спала сегодня, Лена. О тебе думала. Есть одна мысль, обязательно позвони, как будет время. Жаль, что у Марины так и не удалось поболтать.

Это легко исправить. Единственное огорчение с моей стороны, от которого не удастся ее избавить – отсутствие «личной» жизни. Кстати, что это такое? Мой дом, сын, папа, собаки, наконец, это что – не личное? Как много нелепостей налипло на наших представлениях о жизни. Стоп.

– А хотите, заеду после работы?

Вот так.

Теперь можно. Я всегда рассуждаю сама с собой на прогулке с собакой. Если не слушаю радио, а сейчас я забыла подсоединить к мобильнику гарнитуру. Так что «предметом» стали нелепости, напившие на «представлениях».

Только что в «Добром утре» говорили об одиноких. Классная тема, чтобы по-доброму начать день. Но не будем отвлекаться. Есть масса людей, которые не хотят связывать себя узами брака, или вообще какими бы то ни было обязательствами (меня это не удивляет). Разумеется, такой тренд не проскочил мимо вездесущих психоаналитиков. Где-то далеко это называется «жизнь в стиле соло». Красиво, правда? И звучит гордо. У нас «солистов» обозвали «интимофобами». Противно. Ну почему так всегда происходит? «Российская ментальность, – говорит папа, – отмечена ущербной жертвенностью в степени самоуничужения». Для него эталоном совершенства (или величины, стремящийся в этом направлении), является английское чувство собственного достоинства – ироничное, снисходительное, гуманное и, как ни крути, эмоциональное самоуважение, – то есть человеческое.

Я не спору. Хотя подхожу к теме с другой стороны. Во всяком случае, если свериться с художественной литературой, англичане действительно чувствуют сегодня богаче, чем другие. А я ценю эмоциональный ряд человеческой натуры выше, чем интеллектуальный. Ну на кой, в самом деле, все твои премудрости, если не любишь, не сочувствуешь, не радуешься, не визишь от восторга, не заходишься в рыданиях?

– Эй, нет! Нет, Клар, ты обнаглел! – Я резко натянула поводок – передние лапы пса зависли в воздухе. Он чуть не перебежал дорожку к местному парку. Парк – это, конечно, громко сказано, – так, лесополосочка с парой-тройкой живописных ив, нависающих над то ли канавкой, то ли речушкой. Но оттуда его засветло не выгатишь, а учитывая, что сейчас утро и я собираюсь на работу ...

– Вао! – стрелочные часы на внешнем дисплее мобильного показали без десяти десять, и ладони в перчатках мигом взмокли. Вспомнила-таки, что сегодня вторник – летучка – в десять. – Бегом домой, пушистик!

Мы побежали. Правда-правда. Кларенс всегда бежит со мной. Вернее, за мной. Дай ему волю, он бы вообще приклеился. Когда я ухожу из дома, он некоторое время в голос горюет возле двери, самозабвенно царапая обшивку и прилегающую стену. Только одно может отвлечь его от стремления быть рядом со мной – течка у Флоренс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.